

Секция IX.

Русское словообразование и морфемика

Статус субстантивированных образований в системе словообразовательных гнезд современного русского языка

Т. П. Адскова

Казахский национальный технический университет им. К. И. Сатпаева (Алматы, Казахстан)

adskova.tp@bk.ru

Субстантивация, субстантиваты, существительные адъективного склонения, синхронное словообразование

Summary. In the paper is given substantiation of word-formative criteria during ascertainment of real limits between a) nouns of adjectival declination and b) substantivates, paper is defining status of a) and b) in word-formative nests' structure.

Определение словообразовательной системы как совокупности словообразовательных гнезд (СГ) актуализировало задачу описания формально-семантической структуры гнезда с субстантивами адъективного склонения.

Процесс субстантивации может быть рассмотрен в диахроническом и синхронном аспектах. Для данного исследования актуальным является синхронный аспект, когда устанавливается не реальная история возникновения номинации, а соотношение между мотивирующим и мотивированным. Рассматривая субстантивацию как способ синхронного словообразования, мы оперируем понятием субстантиваты (термин впервые введен в научный обиход В. В. Лопатиным) — образования, структурно и семантически мотивированные прилагательными или причастиями.

Цель статьи — обоснование словообразовательного критерия при установлении реальных границ между существительными адъективного склонения и субстантивами в системе современного русского языка, определение их словообразовательного статуса в структуре СГ.

Как известно, в системе современного русского языка все субстантивы адъективного склонения представляют собой структурное единство и группируются в определенные типы, с одинаковым отношением к мотивирующему прилагательному или причастию.

Основополагающим критерием отличия субстантивов от других типов субстантивов адъективного склонения для нас является словообразовательный фактор — отсутствие или наличие омонимичных форм прилагательных или причастий в системе современного русского языка.

Субстантиваты по отношению к мотивирующим прилагательным являются однокоренными омонимами и выделяют в своей структуре суффиксы. Омонимия здесь создается оморфемностью окончаний прилагательных и словообразовательных аффиксов субстантивов. В качестве словообразовательного средства используется флексия мотивирующего слова, за субстантиватом закрепляется парадигма одного из трех грамматических родов или парадигма множественного числа. Согласовательные флексии прилагательных преобразуются в независимые аффиксы существительного. Так, при образовании субстантивов окончания прилагательных или причастий перестают выполнять свои прежние функции — они становятся формантами, превращаются в словообразовательные показатели. Словообразовательная функция флексий в субстантивированных образованиях одинакова, независимо от того, каким путем они реально возникли.

Омонимическая противопоставленность субстантивов и мотивирующих их прилагательных строится на их лексических, грамматических и словообразовательных признаках:

Изучение адъективных образований в словообразовательном аспекте, использование словообразовательного критерия позволило выявить оппозицию: существительные адъективного склонения — субстантиваты.

Существительные адъективного склонения — образования, которые не имеют в современной словообразовательной системе омонимичных форм. В структуре СГ они являются

исходными, немотивированными, непроемкими основами и дериватами, мотивированными глаголами и существительными. Существительные адъективного типа склонения органично вписываются в четырехкомпонентную типологическую структуру СГ, разработанную в трудах А. И. Моисеева. Выделяются элементарные, веерные, линейные и комплексные гнезда. СГ с исходными адъективными существительными составляют 0,2% от общего количества гнезд в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова. Словообразовательный потенциал равен 3,9. Типология анализируемых СГ различна. Встречаются одно-, двух- и многоступенчатые гнезда. Максимальная глубина гнезда — 4-я деривационная ступень. В системе структурных типов СГ доминируют комплексные гнезда (50%). Веерные и элементарные составляют соответственно 20 и 30%. Самой продуктивной частью речи в анализируемых структурах является имя существительное (52%), имена прилагательные составляют — 35%. Основной способ словообразования — суффиксация (65% дериватов). Основная часть дериватов стилистически маркирована: имеет разговорно-просторечную стилистическую окраску. Исходные адъективные существительные генетически различны: калькированные, заимствованные и исконные образования.

Субстантиваты — образования, мотивированные в системе современного русского языка омонимичными формами, они входят в структуру СГ только как дериваты. Субстантиваты принципиально отличаются от адъективных существительных. Их местоположение в структуре СГ обусловлено спецификой субстантивации как способа синхронного словообразования. Анализ формально-семантической структуры СГ с субстантиватами выявил следующие особенности: а) субстантиват не может быть исходной основой гнезда; б) на первой деривационной ступени субстантиваты образуются только в адъективных СГ; в) субстантиваты входят в СГ четырех структурных типов, но одноступенчатые СГ (элементарные и веерные) — это СГ с адъективной вершиной. В структуре СГ субстантиваты образуются на пяти деривационных ступенях, но наибольшее количество образовано на 2-ой и 3-ей ступенях деривации в СГ с субстантивной и вербальной основами. Общее словообразовательное значение субстантивов первой деривационной ступени «название по характеризующему непроемкому признаку» обусловлено мотивированностью их исходным качественным прилагательным. На второй и последующих деривационных ступенях расширяется мотивирующая база субстантивов, что обуславливает различные словообразовательные значения: название по предметно-характеризующему признаку, по процессуальному предметно-характеризующему признаку, по предметно-количественному признаку.

Признание словообразовательного критерия основополагающим позволило по новому подойти к проблеме субстантивации как способу синхронного словообразования, выявить различную типологию субстантивов адъективного склонения и определить их словообразовательный статус в структуре словообразовательных гнезд современного русского языка.

Системологическое описание деривационных процессов русского языка

Л. А. Араева

Кемеровский государственный университет
araeva@list.ru*Системология, словообразовательный тип, пропозиция, актуальное и потенциальное в языке, внутренняя форма типа***Summary.** The paper suggests the application of the method of systemological language analysis introduced into linguistics by G. P. Mel'nikov for research on such mental and language model as word-formatational type.

Каждое слово, незримыми нитями связанное семантическими и формальными отношениями с другими словами в языке, в именование вещи всегда приносит нечто свое (Гумбольдт). Обозначая предмет, человек сравнивает его характеристики с характеристиками уже поименованных предметов этой же или иной категории. Языковая форма, ориентированная на создание имен той или иной категории, провоцирует образование нового имени по существующей словообразовательной модели в соответствии с культурными запросами общества. Словообразовательные модели, семантическое развитие которых направляется пропозициональными структурами знаний (внешними детерминантами, по выражению Г. П. Мельникова), пополняются производными единицами в границах прототипичных для этих моделей пропозиций.

Данный процесс особенно характерен для обыденного сознания в повседневной речи, соответствующая его прагматическим запросам. Приведу в качестве примера слово *сахарница*, употребляемое больными, находящимися на стационарном лечении в областной больнице г. Кемерово. Утром постоянные обитатели больницы спрашивают друг у друга: «Где сахарница?» Я слушала и не могла понять, что имеется в виду (в это время разносили завтрак; естественно, первая мысль: речь идет о посуде). Но оказалось, что так называют медсестру, которая производит забор крови на определение сахара. Для отсубстантивов с *-ниц(а)* характерна реализация пропозиции «субъект — действие — объект» (*курятница, гусятница, телятница, ягодница, грибница, травница* и др.). Появление слова *сахарница* как наименования женщины закономерно, однако семантические связи между мотивирующим и мотивированными иными, что и вызывает улыбку у человека, который впервые слышит слово в таком употреблении. Языковая игра обусловлена внутренней формой словообразовательного типа и теми детерминантами, которые оказались в плену этой формы и стали ее частью. Развитие полисемии слова *сахарница* обусловлено ассоциациями, пересекающимися на уровне одного и того же объекта пропозиций: «средство — действие — объект», «субъект — действие — объект». То потенциальное, что заложено во внутренней форме слова *сахар*, оказалось востребованным и реализовалось в речи. В принципе, возможно употребление слова *сахарница* при наименовании женщины, которая любит есть сахар (ср.: *молочница, картовица* — в говорах «любительница пить молоко, есть картофель»), то есть система допускает употребление слова *сахарница* в таком значении.

Многозначность производного слова зарождается в границах словообразовательных типов, актуализуя новые семантические сферы, обусловленные функциональной семантикой форманта и мотивирующего и теми пропозициями, в пределах которых происходит их семантико-синтаксическая связь, эксплицирующая дискурсивность мыслительной деятельности человека, интерпретационный характер именованной вещи. Многозначность деривата может проявляться в границах одной и той же пропозиции, провоцируя энантиосемию. *Форточник* — вор, специализирующий-

ся на квартирных кражах, проникая внутрь помещения через форточку; пожарник, спасающий квартиру от пожара, проникая внутрь помещения через форточку (в обыденной речи пожарников).

Лексико-семантические варианты многозначного деривата, актуализованные в границах пересекающихся пропозиций либо в пределах одной и той же пропозиции, обусловлены как сложившейся пропозиционально-семантической организацией типов, так и бытованием человека в определенной социальной сфере общества, обуславливающей его ценностные запросы. Оба этих фактора являются внешними детерминантами развития семантической сферы словообразовательного типа и многозначного деривата. Полисемия приведенных производных стала возможной также в силу многомерности мотивационного пространства, являющегося внутренней детерминантой по отношению к пропозиции и внешней — по отношению к многозначности.

Пропозиционально связанными в пределах одного фрейма в типе оказываются словообразовательно-пропозициональные синонимы, механизм образования которых аналогичен образованию многозначных дериватов, но проявится в границах разных лексических единиц, объединенных единым лексическим значением. Этот вид синонимии, не замеченный в структурно-системной лингвистике, выявлен благодаря анализу языковых фактов с когнитивных позиций. В данном языковом явлении обнаруживается стремление языка к реализации объемного видения одного и того же предмета, характеризуемого с разных сторон, что особенно важно в речемыслительной деятельности человека, когда значимо выделение предмета в определенном ракурсе, релевантном для конкретной ситуации и определяющем стратегию говорящего. Например: *омшаник* — *пчельник* — *зимник* «зимнее помещение для пчел, утепленное мхом»; *осеник* — *зимник* «дрова, заготовленные осенью и используемые зимой»; *летнина* — *осенина* «шерсть овцы, выросшая за лето и состриженная осенью»; *зимнина* — *веснина* «шерсть овцы, выросшая за зиму и состриженная весной».

Таким образом, пропозициональная организация типа оказывается внешней детерминантой образования лексико-словообразовательных значений (являющихся внутренней детерминантой по отношению к пропозициям и внешней по отношению к парадигматически связанным производным) в пределах типов, в границах которых формируются многозначные производные, однокорневые, разнокорневые и словообразовательно-пропозициональные синонимы, антонимы, те лексико-словообразовательные парадигмы, которые проявляют динамические процессы в границах типов.

Системологический анализ словообразовательных типов (учитывающий ментально-языковые, культурные, ценностные, социальные, прагматические и языковые факторы) эксплицирует не только системные связи дериватов, но и позволяет определить причины образования этих системных связей, давая целостное описание словообразовательных процессов русского языка.

Возникновение мутационных значений у глагольной приставки *про-*

А. А. Боровиков

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)
aleX-bo@mail.ru*Способы номинации, мутационный тип деривации, глагольная приставка про-, эволюция пространственных значений***Summary.** The paper deals with modification and mutation as the two different models of verbal prefixation in Russian. Their distinguishing features are revealed through analysis of mutative meanings of prefix *pro-* (loss, misfortune for a subject of action). These meanings are proved to be related with the earlier locative meanings of this prefix (moving forward, through, passing by). The historical genesis of a new pattern took place as the denotative situation moved out of the physical dimensions of objects to the pragmatic coordinates of social activity.

Приставочные глаголы привлекают все возрастающее внимание исследователей. Работы подобного рода давно

вышли на уровень осмысления построения высказывания, познавательных механизмов (М. А. Кронгауза, Н. Б. Лебе-

Н. Б. Лебедевой, Е. В. Петрухиной, Г. И. Кустовой). Связано это с особо высокой семантической нагрузкой на глагольный префикс в русском и вообще в славянских языках.

Анализ ономастологической структуры дериватов позволяет выделить два уровня семантического взаимодействия глагола и приставки, которым соответствуют два способа деривации: модификационный и мутационный. В первом случае присоединение приставки не затрагивает денотативную ситуацию исходного глагола, а лишь уточняет аспектуальные характеристики действия: *бегал по двору — пробежал по двору двадцать минут*. Во втором случае имеет место другая модель номинации, при которой базовое действие существенно усложняется, меняется его «результативно-целевая перспектива» [4: 114] и пропозициональная структура (см. об этом [2]). Вся ситуация расширяется по сравнению с ситуацией мотивирующего глагола настолько, что можно говорить о новой ситуации: *Пробежал я кафтанишко свой, пропал, его украли, покуда я бегал туда-сюда* [1].

Как соотносятся эти значения? Остановимся на истории мутационных словообразовательных типов с приставкой *про-* (в том числе с конфиксом *про-...-ся*) с общим значением нежелательного результата базового действия: пропуск (*прокараулить*), ошибка (*пролить*, *просчитаться*), утрата (*протить*).

Следует соотнести эти словообразовательные значения приставки *про-* с пространственными. Локальная семантика является наиболее архаичной, о чем убедительно говорят этимологические данные. Приставки произошли от наречных слов, адverbов. В частности приставка *про-* восходит к застывшей форме творительного падежа основы **perǣ* ‘передняя часть’ [3: 355]; [5: 338]. Значениями этой приставки было ‘вперед’, ‘впрд’, ‘мимо’, а также ‘через’ [8: 68].

Модификационные значения приставки генетически связаны с их пространственной семантикой, хотя и сформировали особую по типу номинации группу. В современном русском языке они образуют аспектуальные разновидности глаголов (так называемые способы глагольного действия). Такие значения возникли в ходе сложной эволюции значения предельности у приставок, которая началась еще на праславянском этапе (подробно это проанализировал Ю. С. Маслов). Значение предельности, вероятнее всего, сформировалось именно на базе пространственных значений: префикс устанавливал границы действия в пространстве, что позже переосмыслено как предел вообще. Пространственный компонент значения в чистом виде по-прежнему сохраняется в некоторых словообразовательных типах (например, *протить в стене отверстие*). Вопрос квалификации типа номинации у таких глаголов с локальной семантикой остается открытым.

Как связаны с пространственными значениями мутационные значения, в частности, ущерб, ошибка, пропуск?

Глагольные приставки в локальном значении широко употреблялись в древнерусском языке, пока не завершилась семантическая дифференциация приставок на основе результативной предельности (см. об этом работы А. А. Караванова, В. М. Нефедьева), например: *Еунатий сильныя полкы татарскыя проездая, бьше их нецадно*. Пов. Ник. Зар. (Лих.), 293. XVI в. ~ XIV в. [6: 126]. В данном случае глагол показывает сходство со сложным словом. Это наследие общеславянского этапа: подобные глаголы фиксируются уже в старославянском: *прогонити* — гнать вперед, *пробавити* — это ‘длить вперед, еще’.

Однако ряд глаголов с приставкой *про-* уже на ранних этапах начинают обозначать более сложную структуру. В СлРЯ XI–XVII вв. зафиксированы древнерусские приме-

ры со значениями нежелательного для субъекта исхода действия: *в списке моего имья не написано: прописал пяти-сотной дьячек*. Астрах. а., № 1527, сст. 1. Дело 1643 г. [6: 192]; *князь всю землю свою царю проуѣловаль*. Ерм. лет., 152. XV в. [6: 284]; *расядут ся мѣси и вино пролѣтѣся*. Мст. ев., 65. XI–XII вв. [6: 161], *и тотъ крестъ съ блюдомъ и со святою водою изъ рукъ выбили и святою воду пролили*. ДАИ XII, 368. 1691 г. [6: 160]. Глагол *пролити* зафиксирован еще на позднем общеславянском этапе. Так, старославянские глаголы *проляти*, *проливати* сж называют ту же ситуацию ущерба. Например: *просадитъ вино новое мѣхы, и то пролѣтѣся* [7: 525], *аще кто пролѣтѣтъ отъ стыла чаша* [7: 522].

Денотативная ситуация сопряжена с ущербом, но это не вытекает из значения основы. С одной стороны, приставка по-прежнему характеризует главную пропозицию в независимых, условно «предметных» категориях. Пролить вино — лить вперед, перед собой, перед сосудом.

Но, с другой стороны, присутствует неявная пропозиция, с которой не было связано целепологание субъекта: вино должно литься в посуду для людей, все остальное — мимо, расход. И именно эта дополнительная пропозиция является реализованной, в отличие от первой, целеположенной (мы используем схематический инструментарий Н. Б. Лебедевой, где прямая линия — реализованная пропозиция, пунктир — нереализованная, мелкий пунктир — целепологание субъекта).

Здесь актуализируется мыслящий участник ситуации, у которого есть цель. Цель можно достичь или не достичь. Негативная реализация получает выражение в значении деривата. Вероятно, глагол *пролити* и его дериваты (конфиксальные, имперфективы) стали образцами для всего поля мутационных значений приставки *про-*. Именно в них значение ‘сквозь’, посредством значения ‘мимо’ становится источником для метафорического переноса из предметно-пространственных координат в прагматические координаты.

В рассмотренных глаголах на основе пространственной метафоры сформировалось новое значение приставки. Источником послужило прототипическое значение приставки ‘вперед, сквозь, мимо’.

Литература

1. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка // vdahl.agava.ru.
2. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск, 1999.
3. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 2001.
4. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, польским и болгарским языками. М., 2000.
5. Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1991.
7. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М., 1999.
8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 4–5 изд., стереотип. Т. 2. М., 2001.

Развитие валентных связей морфем как отражение эволюции словообразовательной системы современного русского языка

А. С. Бузело

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)
buzelo70@mail.ru

Валентные связи, аффиксы, окказионализмы, потенциальные слова

Summary. Tendencies of development of morphemic valency connections are conditioned by evolution of morphemes' meanings, appearance of new affixes and stems, and expressiveness of current social and politic discourse.

На современном этапе существования русского языка уже довольно отчетливо намечились определенные тенденции

развития его словообразовательной системы. Анализ нелексем, выбранных из газетных текстов российской и ка-

захстанской прессы последних лет, позволил выявить как качественные изменения валентных связей давно существующих аффиксов, так и сочетаемостные способности новых деривационных средств, которые выступают показателем динамики этого развития. Если причины и целесообразность возникновения последних вполне понятны и объяснимы: непосредственным условием эффективности сегодняшней коммуникации является умение передать в единицу времени максимальный объем информации при помощи замены пространственных описательных оборотов емкими по форме и яркими по содержанию новообразованиями, — то процессы их появления изучены не в полной мере. Работая в этом направлении, мы пришли к выводу, что новые аффиксы (в частности, префиксы) могут образовываться благодаря существующим в системе языка формально-семантическим корреляциям между предлогом и приставкой. Так, аффиксы **вне-**, **внутри-**, **около-** сейчас активно используются в словообразовательной практике, хотя в перечне словообразовательных формантов в Грамматике русского языка (1952) и Грамматике современного русского литературного языка (1970) они отсутствуют, в Русской грамматике (1980), Краткой русской грамматике (1989) они уже зафиксированы и пополняют группу приставок с пространственным значением. Однако приставка **около-** помимо этого стала обладать и другим значением — ‘не до конца принадлежащий, лишь внешне относящийся к чему-нибудь’: *околоспортивные* тенденции в моде, в *околосмолевских* кругах, *околооперный* певец.

Существует и другой путь появления новых аффиксов — заимствование, на что есть указание в работах, например, Н. С. Валгиной, В. Г. Костомарова. В газетном тексте все чаще стали появляться дериваты со словообразовательным элементом **-гейт** (от англ. *gate*). Он активно используется как некоторая самостоятельная единица, участвующая в производстве слов-названий скандалов, возникающих на политической арене, по утверждающейся в языке новой модели, которая «на глазах» расширяет круг основ для своего наполнения: *Ирангейт*, *Казахгейт*, *Рахатгейт*. Естественно, что этот формант чаще соединяется с заимствованными основами, причем именами собственными (названия стран или личные имена — *Израильгейт*, *Моникагейт*). Есть случаи его сочетания и с русскими или хорошо освоенными иноязычными основами: *Кремлегейт*, *Руссогейт*, *Моторгейт*.

Раскованность нашего современника в речевом поведении оказывает влияние на развитие словообразовательных возможностей самых разных морфем, в частности, продуктивных глагольных суффиксов, таких, как **-и-** **-ова-** / **-ева-** в их отношении к субстантивным основам. Эти аффиксы, обладая широким деривационным значением и, как следствие, большой деривационной способностью, тем не менее оказываются задействованными и в неузальном словообразовании через вовлечение в деривационный акт основ, ранее не привлекавшихся к словообразованию по этим моделям.

В результате мы получаем специфичные новообразования, необычность которых достигается не только нарушением техники их производства, но часто благодаря образному переосмыслению их значения: *параллельить*, *микроскопить*, *крышевать*. Но наряду с окказионализмами посредством этих суффиксов появляются и так называемые потенциальные слова, образованные в соответствии с правилами морфематического согласования. Они тоже включают в свой состав новые основы, в том числе и иноязычные, а коммуникативная необходимость заставляет их вступать в самые различные словообразовательные связи: *шоумэнить*, *пиарить*, *эфирить*, *кулинарить*, *тренерствовать*.

Обращают на себя внимание попытки развития валентностных связей суффикса **-ациj**, обычно присоединяющегося к глагольным основам на *-изировать* и вносящего в производные существительные значение ‘действие безотносительно к длительности и характеру течения процесса’. В газетном тексте встречается множество примеров как «правильных» образований (*информатизация*, *компьютеризация*, *глобализация*), так и появившихся по их образцу, минуя ступень образования глагольных дериватов, тем самым проигнорировав системные закономерности, новаций типа *теннисизация*, *обманизация*, *демонизация*, *партизация*. В данном случае пропуск вербальной позиции в словообразовательной цепи сигнализирует и о возможности ее заполнения, т. е. о реализации потенциалов этих корневых морфем, и о тенденции образования таких дериватов другим путем — чересступенчатым, благодаря которому в упрощенной форме достигается тот же результат.

Таким образом, тенденции развития валентностности морфем, отражающие эволюцию словообразовательной системы в целом, обуславливаются, во-первых, изменением их значений и возникновением новых формантов; во-вторых, расширением круга корневых морфем (сочетающихся с тем или иным формантом), который постоянно пополняется новыми номинациями; в-третьих, возможностью усиления такого качества речи, как экспрессивность, в определенный период развития языка, следствием чего является сверхактивное образование окказионализмов. На наш взгляд, существует вероятность закрепления нормами некоторых только нарождающихся валентностей морфем, обнаруживающихся в окказионализмах, созданных с нарушением закономерностей сцепления морфем, но посредством продуктивных аффиксов, а также валентностности новых аффиксов.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебн. пособ. М., 2003.
2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
3. Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М., 1989.

Специфика прагматического компонента в значении личного имени в языке XIX в.

В. М. Грязнова

Ставропольский государственный университет

k-filolog-osl@stavsru.ru

Специфика языка XIX в., семантика, прагматика

Summary. This paper is devoted to the research of semantic, pragmatic characteristics motivated Russian personal names in the language of the XIX-th century.

Анализ толкований ряда существительных, представленных в различных словарях XIX в., выявляет в их значении особого рода синкретизм. В значении личного имени совмещаются активный и неактивный компоненты, которые являются неравноправными. Значение активного компонента, деятеля, является основным, оно главенствует. Неактивное значение, значение пациента, является добавочным, оно входит в состав семантической единицы «род занятий, ремесло, профессия». Семантика пациента в таких именах не отражает сущность свойств называемой реалии, а выражает позицию говорящего как центра речевой деятельности. [4]: *машинист* — вообще человек, хорошо знакомый с устройством известной машины и приставленный к ней; [3]: *рогаточник* — сторож, приставленный к рогаткам; [2]: *больничник* — пристав, коему поручено смотрение, хождение за

больными, *дворник* — служитель, которому поручается в смотреии дом и двор, чтобы они были чисты и в сохранности; [1]: *мелец* — кто приставлен или нанялся молот; [4]: *контрщик* — человек, избираемый из дворовых людей или нанятой. Как следует из приведенных словарных дефиниций, род занятий, ремесло, профессия лица могли восприниматься носителем языка первой половины XIX в. как результат действия субъекта, занимающего более высокую ступеньку в иерархической служебной лестнице.

Значение названных лексем представляет собой характеристику лица прежде всего как субъекта действия, которое лицо выполняет по роду занятий, профессии: *больничник* — тот, кто смотрит за больными по роду занятий. Кроме того, приведенные толкования свидетельствуют о том, что указанные имена одновременно представляют собой характери-

стику лица и как объекта определенного действия, субъект которого мыслится как некий руководитель: *больничник* — тот, кого приставили смотреть за больными. В некоторых словарных дефинициях субъект того дополнительного действия, воздействию которого подвергается именуемое лицо, является вербализованным. *Межевицк* — землемер, посылаемый от правительства или начальства для размежевания земли, *ценовицк* — поставленный от городского начальства для оценки вещей [3], *браковщицк* — присяжный человек, выбираемый купечеством и определяемый при таможене, который рассматривая товары, отделяет лучшие от худших, *докладчик* — особа, которой поручено от государя докладывать ему по делам [2].

В целом значение описываемой группы наименований, корректное с точки зрения носителя языка первой половины XIX в., может быть представлено в следующих дефинициях: *больничник* — тот, кого приставили смотреть за больными, тот, кто смотрит за больными по роду занятий. Уместно отметить, что у некоторых лексем толкования в том или ином словаре XIX в. близки к предложенному нами: *слоновщицк* — приставленный к слону, умеющий ходить за слонком, *разыщицк* — человек, употребляемый к разыскиванию, разыскатель [3]; *десятицк* — поставленный над десятью человеками, имеющий в своем ведении десять человек [1].

К описанной группе существительных со значением рода занятий примыкают отсубстантивные наименования, называющие лицо по его военной специализации, связанной чаще всего с видом оружия, реже со средствами защиты. По данным словарей, в значении имен этой группы также совмещается пассивный и непассивный компоненты. Чаще всего имя лица по его военной специализации толковалось как объект действия подразумеваемого субъекта, стоящего на более высокой ступеньке служебной лестницы: *самопальник* — воин, вооруженный самопалом [4], [3], *кольчужник* — одетый в кольчугу, *фузейник* — воин, вооруженный фузеею [2], [3]. Некоторые имена этой тематической группы имеют иные толкования: *бронник* — воин, сражающийся в броне, *сайдачник* — имеющий сайдак с луком и стрелы [3], *латник* — носящий на себе латы, *бронник* [4]. В этих толкованиях лицо характеризуется либо как носитель состояния (*латник*, *сайдачник*), либо как активный деятель (*бронник*).

В целом значение наименований лица по его военной специализации, корректное для носителя языка первой половины XIX в., можно представить в следующей дефиниции: *самопальник* — тот, кого вооружили самопалом, тот, кто стреляет из самопала (или имеет самопал). Некоторые из лексем данной тематической группы имеют в словарях толкования, близкие к предложенным нами: *сайдачник* — имеющий сайдак с луком, вооруженный луком и стрелами [2], *алебардицк* или *галлебардист* — который алебарду носит, алебардою вооружен [5]. Компонент «деятель» (активный деятель или носитель состояния) в значении исследуемых лексем выражает существенные признаки называемой реалии — лица по его военной специализации. Компонент

«пациенс» отражает представления носителя языка о централизованности, иерархичности армии, зависимости ее отдельного воина от всей армейской системы и является социально-обусловленным.

Общественному сознанию XIX в. также была свойственна религиозно-мистическая идея судьбы. Амбивалентный образ судьбы как религиозно-мистического понятия может быть выявлен в словарных дефинициях личных существительных, составленных носителями языка XIX в. В толкованиях слов *слепец*, *безумец*, *сидень* присутствует сема «пациенс», которая является ассоциативной, обусловленной мистическими представлениями носителя языка XIX в. о сверхъестественной силе, предопределяющей жизненный путь человека. *Слепец* — лишенный чувства зрения [2], [3] — иначе: тот, кого лишили зрения (аналогично *безумец*, *сидень*).

В общем приведенные толкования лексем *слепец*, *безумец*, *сидень* можно трансформировать следующим образом: «тот, на кого действует непознаваемая сверхъестественная сила, в результате чего лицо лишается чего-либо (ума, зрения, способности ходить)». В таком толковании, характеризующем лицо как объект действия сверхъестественного субъекта, эксплицитно выражается прагматическая часть значения лексем *слепец*, *безумец*, *сидень*. Семантику лексем *слепец*, *безумец*, *сидень* выражают толкования типа: *безумец* — тот, который является безумным.

В толкованиях других существительных субъект действия таинственной силы выражен, однако это не сама сверхъестественная сила, а ее «представитель» и «исполнитель». В одних дефинициях этой группы слов сверхъестественная сила представлена как болезнь: лунатизм (*лунатик*), ипохондрия (*ипохондрик*), подагра (*подагрик*). В других словарных дефинициях сверхъестественная сила представлена как такие свойства человека, которые в бытовом представлении не зависят от него, даются ему от рождения. Это такие качества человека, как склонность к лени, прихотям. Лица, именуемые словами *прихотник*, *ленивец*, описываются в словаре как те, кого подчинила, поработила лень или прихоть: *ленивец* — кто подвержен, поработен лени, *прихотник* — подверженный прихотям [2].

Литература

1. Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1–2. СПб., 1843–1844.
2. Соколов П. Общий церковно-славяно-русский словарь. Т. 1–2. СПб., 1834.
3. Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 1–4. СПб., 1847.
4. Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. Т. 1–3. СПб., 1863–1864.
5. Яновский Н. М. Новый словотолкователь расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины. Ч. 1–3. СПб., 1803–1806.

Активные процессы словотворчества в современном русском языке (на материале языка рекламы)

Э. С. Денисова

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»
elvdenisova@yandex.ru

Русский язык, лексика, словообразование, язык рекламы

Summary. In the report are opened the questions connected to the description of individual language systems in mass media. The special attention is given to active processes of formation of new words, occurring in language of advertisement.

В современном социуме средства массовой информации занимают все более значимые позиции, вовлекая в свою сферу индивидов из самых широких социальных слоев, возрастных и профессиональных групп. На данном этапе развития литературного языка многократно возросла роль письменной формы СМИ, в некоторых областях сумевшей потеснить устную сферу. Печатные издания в этом отношении предоставляют многообразные возможности виртуальной коммуникации, обнаруживая новые формы бытования языка.

Яркой иллюстрацией бесконечных возможностей языковой системы может служить вербальное измерение дискурса рекламы, примыкающей по своим функционально-жан-

ровым характеристикам к медиатекстам. Современный рекламный язык совмещает в себе одновременно черты письменной и устной речи, а плотность его каналов и технологические возможности приводят к широкому тиражированию качественно новых речевых / языковых явлений. Эти явления активно распространяются за пределами рекламных текстов, адаптируясь к традиционным формам функционирования языка. Важнейшее место среди них занимают факты окказиональной деривации — и не столько «новые» слова, сколько механизмы и средства их образования, внутренние потенции развития системы словопроизводства и факторы, влияющие на это развитие извне.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет описание индивидуальных языковых систем. Анализ языка рекламы показывает, что создатели новообразований активно практикуют не только заполнение лакун русского словообразования (потенциальные слова), развивая словообразовательные гнезда, модели, типы, но и каламбурное скрещение слов, образование целых классов новых словоэлементов (окказионализмы).

Характеристика инноваций в аспекте формальных операций категоризации словообразовательных значений позволяет выявить активные способы их образования — узуальные и незузуальные — в пространстве языка рекламы:

1. Продуктивность узуальных способов образования отмечается у аффиксальных дериватов (1) и композитов (2), ср.: (1) а) суффиксация (*ВОЛНУшка*); б) префиксация (*завонить*, *разбуДильник*); (2) а) сложение основ (*Цифр0град* {*цифра* + *град*); *дискomania* {*диск* + *манья*}); б) сложение с применением графических средств выделения (*ORANGEтур* {*orange* + *тур*}); в) сложение с усечением (*МирТек* {*мир* + *текстиль*}) и др.

В данной группе новообразований помимо нарушенной формальной / семантической валентности компонентов в структуре слов, наблюдаются также орфографические нарушения. Например, в композите *мехамания* позицию интерфейсного элемента *О* занимает *А*, что соответствует производительному варианту *мехамания*.

2. Среди незузуальных способов и приемов активность новообразований отмечается, во-первых, при междусловном наложении (ср.: *Спортугалия* {*спорт* + *Португалия*}; *ВЕЧЕГРЕЕНКА* {*вечеринка* + *green*}; *МАРГОША* {*Марго* + *Гоша*}). Во-вторых, в рекламных текстах достаточно активно используется прием контаминации, при котором соединяются два узуальных слова, причем часть одного из них не входит в структуру нового окказионализма, оставаясь лишь в ассоциативном фоне (ср.: *домобиль* {*дом* + *автомобиль*}; *GREENдиозно* {*green* + *грандиозно*}; *аудиомобиль* {*аудио* + *автомобиль*}; *кремьера* {*крем* + *преьера*}) и др.).

3. К одному из наиболее распространенных приемов порождения окказионализмов в рекламе относится образование по конкретному образцу. При этом слово, используемое в качестве прототипа, может быть как производным ({*Лас-Вегас* → *Лас-Книгас*), так и непроизводным, но обязательно вычленившим значимые элементы в своей структуре ({*шоколад* → *ШИКолад*). В нашем материале отмечены и случаи слияния — использование в качестве базы для деривата словосочетания с императивной модальностью, характерной для современных рекламных текстов ({*бери паркет* → *ПАРКЕТБЕРИ*).

4. Особые выразительные возможности окказионализмов могут выступать в качестве «семиотической провокации», обуславливающей включение в рекламный дискурс целых каскадов незузуальных слов, ср.: *Ты можешь не знать, чем закончится ВЕЧЕГРЕЕНКА, но точно знаешь, с кем она начинается. Tuborg — початок GREENдиозного настрою; GREENдиозно!*

5. Продуктивным в рекламной сфере становится способ образования слов, при котором используются визуальные (графические / орфографические) средства выразительности (ср.: *О'кейс*; *ЕврО'Оптика*; *КиберПочт@*; *%та*; *ПуШл-сШон*; *Рел@кс*; *соВСЕМ*; *МедО₂он* и др.). Графическое словообразование представляет особый тип функционирования языкового знака, характеризующийся специфическим механизмом осуществления — активным участием внешней структуры слова при его употреблении, актуализацией значимых формальных оппозиций слова, служащих для воплощения рекламной идеи.

Использование способа графической деривации позволяет «развернуть» семантику одного слова до целой ситуации. Так, в социальной рекламе *СПИВАются быстро* заложена синтагма, линейно прочитываемая в структуре глагольного деривата.

6. Среди новообразований, представленных в языке рекламы, встречается массив слов, отнесение которого к определенному способу или приему представляется дискуссионным. Для этой лексической группы характерно использование графического маркирования определенной фонемы / морфемы деривата (прием капитализации), а звуковая оболочка данной единицы дублирует узуальную (ср.: *АПТЕКАрь*, *адвокатУРА*).

7. В рекламном пространстве функционируют и такие новообразования, которые не имеют дословного перевода на русский язык, но со временем могут стать эквивалентом русских единиц. Например, *биродром* {*бир* (англ. «пиво») + *дром*} (ср. *велодром*).

Все перечисленные способы и приемы образования новых слов в языке рекламы связаны прежде всего с феноменом языковой игры, возникающим на основе пересечения креативного использования знака с его нормативным употреблением. Столкновение этих взаимонаправленных тенденций дезавтоматизирует процесс восприятия, что позволяет «оживлять» внутреннюю форму узуального слова, способствует реализации ассоциативного потенциала у окказионального деривата, тем самым привлекая внимание адресата (потенциального покупателя) неожиданностью интерпретации содержательных и / или формальных трансформаций языкового знака.

Таким образом, коммуникативное пространство рекламного дискурса организуется как своеобразный гипертекст, ориентированный прежде всего на адресата. Словотворчество в дискурсе рекламы приобретает массовый и интенсивный характер, поскольку материальная фиксация его результатов с помощью языковых символов достаточно легка, а главное — имеет фактически неограниченный доступ. Сейчас активными творцами языка становятся не только единицы — профессиональные копирайтеры, но и обычные носители языка, со-участвующие в создании, употреблении и дальнейшем функционировании новых слов. В совмещении этих двух подходов — развитию возможностей языковой системы и их закреплении — наиболее ярко проявляются общие динамические процессы современного словотворчества в языке рекламы.

Перспективы динамического исследования словообразовательных подсистем русского языка*

О. И. Дмитриева

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

oidmitrieva55@yandex.ru

Словообразовательная динамика, синхронно-диахронный анализ, словообразовательная подсистема

Summary. One of current problems of modern Russian philology is a dynamic study of semantic-word-formative subsystems of the Russian language, e. g. subsystems of prefixal verbs, formed from verbs. Synchronous-diachronic analysis of such subsystems allows to understand the mechanism of the Russian word formation and to reveal the moving forces and trends of.

Дериватологию на современном этапе научной парадигмы следует считать находящейся не в кризисе, как часто утверждают, а в поиске новых путей развития, связанных прежде всего с осмыслением движущих сил словообразовательных процессов, с исследованием механизма словообразовательных отношений, возникающих в ходе функционирования языка, с выявлением словообразовательного потен-

циала языковой системы, обнаружением связи явлений словообразования с формированием языковой картины мира.

Динамическое словообразование можно отнести к числу приоритетов современной русистики, поскольку именно динамический подход к изучению лингвистических объектов позволяет выявить различные типы колебаний в функционирующей системе языка. Динамика формирования отдель-

* Исследование ведется в рамках проекта «Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка», поддержанного РГНФ (№ 09-04-00193а).

ных словообразовательных типов, словообразовательных гнезд, словообразовательных категорий обнаруживается при исследовании того или иного процесса в его историческом развитии.

Один из основных постулатов в работах по словообразованию — сосюрровский постулат о противопоставленности синхронного и диахронного подходов к описанию языковых фактов — все более отчетливо оспаривается в последнее время. Само понятие словообразование — образование слов — имплицитно представляет о процессе. Взгляд на диахронию как на процесс в его эволюции, а не на простую смену отдельных синхронических состояний предполагает рассмотрение фактов словообразования в развитии, в их внутрисистемном взаимодействии друг с другом. Динамика может обнаруживаться как ряд состояний исследуемой словообразовательной подсистемы.

Именно представление о непрерывности словообразовательной динамики лежит в основе *синхронно-диахронного* подхода к исследованию словообразовательных явлений и процессов. В ряде работ программного и теоретического характера обозначены основные направления развития исторического и синхронно-диахронного словообразования, обоснованы базовые положения этого направления ([9]; [8]; [1]; [6]; [7]; [2]; [3]; [5] и др.).

Синхронно-диахронный подход позволяет рассматривать словообразовательные процессы исходя из системного статуса изменяющихся объектов, при этом историческая стабильность языковых фактов в тот или иной период осмысливается как этап в постоянном развитии языка.

Синхронно-диахронический анализ дает возможность охватить весь письменный период русского литературного языка, что позволяет представить тот или иной семантико-словообразовательный процесс в целом, более или менее полно отразить картину языковой эволюции. Перед синхронно-диахронным словообразованием стоят задачи создания полного и обобщающего описания конкретного языкового материала, выработки системы такого описания, уточнения и определения единиц описания.

Ограниченная объяснительная способность анализа в рамках словообразовательных типов определила выход в границы других словообразовательных подсистем: словообразовательного гнезда, словообразовательной категории, словообразовательной формации.

Продуктивным может быть динамическое исследование и таких *словообразовательных подсистем*, как производные слова, объединенные общностью словопроизводственного процесса (например, префиксальные глаголы [2] или редупликанты [7]), как семантико-словообразовательные подсистемы, подобные подсистеме слов русского языка с общей

частью *благ-*, то есть объединение слов разных словообразовательных типов на основе формально-структурной и семантической общности (в большинстве слов часть *благ-* играет роль словообразующего средства, компонент *благ-* в производных словах сохраняет, как правило, свою семантику).

Семантико-словообразовательная подсистема, таким образом, — это формально (структурно) и семантически организованная общность производных слов, характеризующаяся системными связями и отношениями.

Синхронно-диахронный анализ различных семантико-словообразовательных подсистем способствует выявлению системных связей в языке. Так, при динамическом исследовании семантики приставок в парадигматическом аспекте, рассматривая приставочный глагол во внутрисинтагматических словообразовательных связях [2], мы исходим из возможности обобщения свойств отдельных единиц словообразовательной системы и распространения наиболее явных закономерностей их взаимодействия на процесс внутрисинтагматической префиксации в целом.

Синхронно-диахронный анализ семантико-словообразовательных подсистем в силу его системного характера способствует не только выявлению самого механизма деривационных процессов, но и определению движущих сил, основных факторов языковой динамики в целом. Исследование все более широкого круга таких подсистем должно способствовать решению этой задачи.

Литература

1. Азарх Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
2. Дмитриева О. И. Динамическая модель русской внутрисинтагматической префиксации. Саратов, 2005.
3. Кадьякалов Ю. Г. Из истории отвлеченных существительных: Имена с суффиксом *-и/-(-и)* в русском языке. Саратов, 2007.
4. Кадьякалова Э. П. Развитие отношений между словообразовательными моделями одной словообразовательной категории: принципы и перспективы изучения // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994.
5. Кадьякалова Э. П. К изучению законов словопроизводства: Аггитивные глаголы в русском языке. Саратов, 2007.
6. Коряковцева Е. И. Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. М., 1998.
7. Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов, 2000.
8. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. Казань, 1987.
9. Улханов И. С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994.

Русская мотивология: этапы становления

А. Д. Жакупова

Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова (Казахстан)

zhajdo@list.ru

Мотивированность слова, мотивологический подход, теория лексической мотивации, мотивационные словари

Summary. The report is devoted to the historiographical overview of motivology — the science which studies the lexical phenomenon of motivation from the point of view of language speakers. The founder of the motivological concept is Professor of Tomsk State University — Blinova O. I. who is turning 80 in 2010.

К 80-летию проф. О. И. Блиновой

В конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. в русистике заметно активизируются семантические исследования, расширяющие границы традиционно установленных взглядов на природу лексического значения слова, ставящие иные акценты в изучении взаимосвязи звучания слова и его значения, тем самым способствуя появлению новых разработок в области идей лексической семантики. Именно в этот период зарождается новое направление в лингвистике — мотивологическое, органично сочетающее в себе уже осмысленное предшественниками знание об «идее имени», «идее образа» (Платон), о «внутренней форме слова» (А. А. Потехина) и принципиально новое, достигнутое путем обращения к носителю языка, знание, воплотившее в себе черты антропоцентрической лингвистики, покорившей ученых будущего столетия.

Становление и развитие мотивологии происходило поэтапно.

I этап: начало 70-х — середина 80-х гг. XX в. В 1972 г. выходит в свет обобщающая статья О. И. Блиновой «Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии», в которой автор поднимает проблему о значимости мотивации слова в процессе языкового общения и намечает ряд вопросов, остающихся актуальными и до сих пор, см. «Вопросы изучения лексики русских народных говоров» (Л., 1972). С. 92–104. Эта статья представляет собой своеобразную программу исследования лексического явления мотивации слов и служит отправной точкой для дальнейших научных изысканий в этой области. В 1974 г. О. И. Блинова защищает докторскую диссертацию «Проблемы диалектной лексикологии», в которой впервые даёт систематизированное представление о ранее не изучавшемся лексическом явлении — явлении мотивации слов,

определяет в лексикологическом ключе исходные понятия теории мотивации (мотивированность слова, внутренняя форма слова, мотивационные отношения др.), анализирует лексические процессы, связанные с мотивированностью слова (ремотивация, демотивация и др.). Научное исследование, проведенное с опорой на богатую источниковедческую базу, которая в дальнейшем послужила фундаментом для создания двухтомного «Мотивационного диалектного словаря: Говоры Среднего Приобья» (Томск, 1982–1983), положило начало для осмысления новых идей в области лексической мотивации.

На первом этапе большое внимание уделяется лексикографической обработке материала, собранного в течение предшествующих 30 лет сотрудниками и студентами Томского госуниверситета в ходе диалектологических экспедиций (деревни и сёла Среднего Приобья). В результате работы словарного сектора было составлено около 20000 словарных статей, содержащих десятки тысяч контекстов с актуализованными мотивационными связями лексическими единицами говоров Среднего Приобья.

На протяжении десяти лет формируется мотивологическая концепция: уточняются исходные понятия и термины теории мотивации, изучается связь явления мотивации с другими лексическими явлениями, апробируются попытки составления мотивационных словарей иных типов (частотный, словарь внутренних форм слова и др.). В результате всестороннего исследования лексического явления мотивации слов обозначаются основные аспекты теории мотивологии — онтолого-методологический, функциональный, динамический, лексикографический, источниковедческий, нашедшие свое отражение в монографии О. И. Блиновой «Явление мотивации слов: Лексикологический аспект» (1984).

II этап: середина 80-х — середина 90-х гг. XX в. Вышеназванные аспекты получают дальнейшее своё развитие в трудах О. И. Блиновой и её последователей, представителей томской мотивологической школы. Отдельным и общим вопросам лексической теории мотивации слов посвящены докторские и кандидатские диссертации, монографии, статьи Н. Д. Голева, Т. А. Демешкиной, Г. В. Калиткиной, М. В. Курьшевой, В. Г. Наумова, Н. Г. Нестеровой, Е. В. Михалёвой, А. Н. Ростовской, И. В. Тубаловой, Е. А. Юриной и др. На этом этапе развития мотивологии с достаточной глубиной и основательностью исследуются отдельные стороны лексической теории мотивации, определяются ключевые позиции науки с учетом принципов новой научной парадигмы знания. Показания метаязыкового сознания носителей диалекта, ставшие единственным источником изучения мотивированности слова, служат ярким свидетельством антропоцентрической направленности мотивологической концепции. Ассоциативная природа мотивационных отноше-

ний, рассматриваемых как факт языкового сознания носителя языка, позволяет подходить к явлению мотивации слов как феномену, отражающему языковую реальность. Мотивированность слова рассматривается как один из главных критериев определения образных средств языка, выполняющих экспрессивную, эстетическую, суггестивную, ассоциативно-образную функции; является движущей силой происходящих в языке лексических процессов — ремотивации, лексикализации и т. д.

III этап: середина 90-х гг. XX в. — первое десятилетие XXI в. Этот этап характеризуется детальной разработкой всех основных аспектов мотивологии, прежде всего, функционального и сопоставительного. Ряд научных статей, опубликованных в 1992–1996 гг., посвящён сопоставительному изучению явления мотивации слов и обоснованию самостоятельного раздела науки — сопоставительной мотивологии. С 1996 г. активно проводятся мотивологические исследования в сопоставительном аспекте на материале различных тематических групп с привлечением широкого спектра языков — русского, польского, украинского, словацкого: А. Д. Адилова (Жакупова), русского и французского: И. Е. Козлова, русского и английского: А. С. Филатова (Саенко), русского и немецкого: Н. А. Чижик (Тихонова).

В числе актуальных, требующих отдельного рассмотрения, оказываются вопросы о роли внутренней формы слова, ее функциях в языке и речи. Текстцентрический подход позволил подойти к мотивированному слову и мотивационно связанным словам как компонентам высказывания, функционирующих на уровне художественного текста: Л. В. Дубина, Е. Ю. Сыпало (Погудина), О. С. Михайлова, а также в рамках народно-разговорной речи: Е. В. Найдён. На обширном языковом материале с учетом данных психолингвистического эксперимента проводятся исследования в социовозрастом: К. В. Гарганеева, источниковедческом: М. Н. Курапова, динамическом: И. А. Кунгушева и других аспектах. Продолжает активно разрабатываться лексикографический аспект явления мотивации слов. На сегодняшний день имеется несколько мотивационных словарей, главным из которых остается двухтомный толковый «Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья», представляющий в лексикографически обработанной форме мотивированные слова диалекта во всем разнообразии их мотивационных связей, отражающих реальную речевую действительность. Свообразным результатом подведения итогов о проделанной за 30 с лишним лет работе в области лексической теории мотивации слов явилась научная монография О. И. Блиновой «Мотивология и её аспекты» (Томск 2007), «Словарь терминов мотивологии» в 3-х изданиях (Томск 2000, 2002, 2005), Библиографический указатель (Томск 2000).

Займствованное слово и его производные в современном русском языке

А. К. Казкенова, С. А. Никитина

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы

akaz76@mail.ru, serenushyandex.ru

Займствованное слово, производное слово, словообразовательное гнездо, деривационная активность слова, квазидеривационный комплекс

Summary. In the given report word-formation differences of borrowing words are considered and character of interaction of borrowing words with its derivatives is established in modern Russian language.

0. Положение займствованных слов «в контексте» их производных в современном русском языке тесно связано со словообразовательной активностью заимствования и факторами, влияющими на нее, а также возможностями пересечения межязыковой мотивированности и внутриязыковой мотивированности.

1. Займствованные слова не только активно пополняют словарный состав современного русского языка, но и не менее активно участвуют в процессах словообразования. Деривационная активность заимствований определяется не только актуальностью обозначаемых ими понятий (экстралингвистический фактор), но и их структурной особенностью — неприродностью (собственно лингвистический фактор).

Неприродность займствованного слова обуславливает целый ряд его функциональных характеристик. Будучи исходным (неприродным) элементом словообразовательного гнезда, займствованное слово также может служить новой точкой в семантическом пространстве языка / языковой

картине мира. В этом плане оно лучше подходит для обозначения «чужого» или «отчужденного» понятия, понятия, требующего условного обозначения (неслучайно заимствования активно вовлекаются в такие сферы лексики, как арготизмы, эвфемизмы, собственные имена, термины и т. п.).

В рамках высказывания — ситуация аналогичная: новое заимствование рематично, оно стимулирует дальнейшее расширение текста, в том числе и с помощью своих новых производных. Напротив, новое производное слово ретроспективно, обращено назад, к предшествующему контексту, к языковой компетенции адресата.

Следует отметить, что неприродность стимулирует словообразовательную активность займствованного слова в том случае, если оно грамматически освоено. Несклоняемые существительные и прилагательные в этом плане значительно уступают склоняемым словам.

2. Типичной особенностью функционирования займствованного слова можно считать регулярность пересечения

межъязыковой мотивированности (формальной и семантической) зависимости заимствования от иноязычного прототипа) и внутриязыковой мотивированности. На наш взгляд, возможные варианты пересечения двух типов мотивированности охватывает следующая классификация: системные пересечения (регулярные и нерегулярные) и окказиональные пересечения (преднамеренные и непреднамеренные).

В случаях системного пересечения объединяются только слова заимствованные. Регулярность / нерегулярность зависит от наличия / отсутствия в языке слов со сходными финалями и общими семантиками в лексических значениях (ср.: с одной стороны, *драйв* — *драйвер*, *демократ* — *демократия*, с другой — *шансонье* — *шансон*, *компаньон* — *компания*). Фиксация одного слова как в словарях иностранных слов, так и в словообразовательных словарях подтверждает возможность возникновения и существования системного пересечения.

Окказиональные пересечения создаются как с участием заимствованных слов, так и слов исконно русских. Случаи окказионального пересечения обнаруживаются среди фактов языковой игры (преднамеренное пересечение) и народной этимологии (непреднамеренное пересечение).

В докладе подробно рассматриваются лишь случаи системного пересечения. Наблюдения над заимствованными словами и их лексикографическим описанием позволяют признать существование в языке / языковом сознании говорящих некоторых квазидеривационных комплексов, которые, будучи построенными по образцу собственно деривационных единиц, могут не отражать процессы словообразования. В частности, обнаруживаются квазипары (*дипломат* — *дипломатия*, *декор* — *декорировать*), квазипарадигмы (*ген* — *геном*, *генезис*, *генетика*, *филогенез*), квазитипы (*оратор*, *директор*, *спонсор*, *инвестор*), квазимодели (*геймер*, *байкер*, *трейдер*, но *скутер*, *сканер*, *адаптер*).

3. Следовательно, словообразовательное гнездо заимствованного слова не всегда может быть результатом лишь словообразовательных процессов, но и отчасти может включать в себя факты иноязычного заимствования (в данном случае — квазидериваты).

Организация словообразовательного гнезда заимствованного слова демонстрирует его нелинейность (возможно, этот признак является универсальным, но именно в случае словообразовательного гнезда заимствованного слова он проявляется особенно наглядно). В таком словообразовательном гнезде не только производящее может влиять на производное (что соответствует диахроническому принци-

пу), но и наоборот. В частности, производные способны уточнять морфемную структуру самого заимствованного слова, ср. морфемное членение следующих слов: *аббревиация(и-я)*, *агит-ация(и-я)*, *дегенер-ация(и-я)*, *период-изация-а* [2]. Под влиянием именно своих производных эти заимствованные слова, обладающие сходными финальными частями, членятся на морфемы по-разному.

Широкие возможности деривации демонстрируют результаты семантического калькирования. Словообразовательные гнезда, образуемые вокруг омонимичных единиц, имеют разный набор производных элементов, ср.: *архив*₁ (нем. Archiv — '1. Учреждение для хранения старых, старинных документов; 2. Отдел учреждения, где хранятся старые документы; 3. Собрание рукописей, писем и т. п., относящихся к деятельности какого-н. учреждения, лица' [1: 81]) — *архивист*, *архивариус*, *архивный*, *архивоведение*, *архивохранилище*, *киноархив*, *историко-архивный* [2, т. 1: 75] и *архив*₂ (англ. archive — 'Данные хранящиеся на диске в сжатом виде') — *архиватор*, *архивация*, *архивирование*, *архивировать*, *архивный*, *заархивировать* [3: 88–89].

Кроме того, в рамках одного словообразовательного гнезда нередко функционируют альтернативные варианты — два производных слова (*интернетный* — *интернетовский*, *пиарщик* — *пиаровец*, *харизматичный* — *харизматический*) или производное слово и заимствование (*сёрфингист* — *сёрфер*, *ментальность* — *менталитет*, *секвестирование* — *секвестр*), см. [3]. Как правило, такие конкурентные варианты являются неологизмами.

4. Участие заимствований в словообразовательных процессах русского языка демонстрирует не только специфику этого класса обозначений, но и вскрывает некоторые внутренние закономерности построения словообразовательных единиц и в целом словообразовательной системы русского языка. В частности, обнаруживается взаимная зависимость производящего и производного, конкуренция между элементами словообразовательного гнезда, наконец, неразрывная связь между процессами иноязычного заимствования и словообразования.

Литература

1. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 4-е изд., стереотип. М., 2002.
2. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.
3. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2008.

Детерминанты полимотивации деривата по данным метаязыковой деятельности носителей русского языка

П. А. Катывшев, С. К. Соколова

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

katpa@rambler.ru

Полимотивация деривата, детерминанты полимотивации, агглютинативность / фузионность, степень членности

Summary. The report is devoted to research of the derivative polymotivation as the sort of natural semantization. It is shown experimentally that the polymotivation is caused by the structural-semeiotic properties of derivative, such as its agglutination / fusion and degree of morphemes' articulation.

1. В соответствии с дериватологической традицией полимотивация характеризует случаи особой мотивированности деривата — его формально-семантическое соотношение одновременно с несколькими производящими единицами. Трактуюсь как проявление асимметрии производного знака (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, А. И. Кузнецова, В. В. Лопатин, П. А. Соболева, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, Н. М. Шанский, И. А. Ширшов), понятие полимотивации начинает также связываться с представлениями о метаязыковой деятельности носителя языка (А. Г. Антипов, Л. А. Араева, О. И. Блинова, Н. Д. Голев, Л. Г. Зубкова, А. Н. Ростова, М. Г. Шкуропацкая, М. Н. Яценецкая), что во многом стимулировано вниманием исследователей к механизмам формальной аналогии при осуществлении функции означивания высказывания. Если из свойства языка «осуществлять одновременно и означивание знаков и означивание высказывания... проистекает его главная способность... когда становится возможным высказывать нечто означивающее о самом означивании» [1: 88], то вклад 368

мотивологически ориентированных исследований в понимание семиотического статуса полимотивации очевиден и касается создания предпосылок психосемиотической интерпретации явления, согласно которой полимотивация — разновидность естественной семантизации, базирующаяся на полной / частичной корневой / основной аналогии определяемого (деривата) и определяющих (формально соотносимых) единиц.

2. Рассмотрение полимотивации в связи с семантизирующими возможностями языка и варьированием значения деривата в языковом мышлении индивида сделало метаязыковую деятельность и ее результаты теми объектами, относительно которых выводятся детерминанты изучаемого явления, описываются отражающие их эффекты. Как показывают мотивологически ориентированные исследования диалектной метаречи и данные психолингвистических экспериментов, поиск условий определенности деривата дает возможность квалифицировать детерминанты полимотивации с учетом: (а) «общечеловеческих» (А. А. Потебня) / «преоб-

ладающих» (Э. Б. де Кондильяк) свойств отдельного языка; (б) их локализации на уровнях языка, определяемого деривата, мотивирующего суждения, метатекста, метаязыковой и познавательной деятельности; (в) их интра- / экстралингвистичности; (г) структурно-семиотических особенностей определяемого; (д) коммуникативно-семиотической специфики метаречи.

3. Развитие экспериментальной базы исследования позволяет углубить представления о связи полимотивации и структурно-семиотических свойств деривата — агглютинативности / фузионности его морфонологической структуры и степени его членности. Для проведения направленного эксперимента испытуемым — школьникам гимназии № 21 г. Кемерово (6-е классы) в количестве 45 человек и студентам КемГУ в количестве 81 человека — предъявлялись установочный текст и задание, в той или иной мере настраивающие продуцентов на внимательное отношение к словам-агглютинатам определенной структуры и фантазийное их осмысление в форме рассказа травницы о свойствах фитонимов *красноголовник*, *медуница*, *девятильник*, *рекостав*, *свербигуз*. От 126 информантов получено 558 текстов (в некоторых случаях наблюдалась стратегия отказа интерпретировать языковой знак), что позволяет сделать следующие обобщения.

3.1. Полимотивация представлена в 46 из 118 текстов с дериватом-темой *красноголовник*, в 20 из 117 текстов с дериватом-темой *медуница*, в 11 из 110 текстов с дериватом-темой *девятильник*, в 9 из 102 текстов с дериватом-темой *рекостав*, в 1 из 111 текстов с дериватом-темой *свербигуз*. Это свидетельствует о регулярности основной аналогии при семантизации единиц с аддитивным типом межморфемного синтеза и увеличении ассоциативных возможностей, а также продуктивности звуковой аналогии в случаях осмысления слов фузионной структуры.

3.2. Высокая степень членности приводит к появлению в метатекстах конкретизаторов основы деривата, носящих тривиальный характер и совпадающих по звуковому облику с определяемым. Напротив, затрудненная выделимость знаменательной морфемы не только сокращает частоту основных конкретизаторов, но и вызывает их вариативность, нетривиальность, трансформируемость для более выразительной передачи звукового облика темы.

3.2.1. *Красноголовник* воспринимается носителями языка как легко членимое, что подтверждается неоднократным

использованием в метатекстах конкретизаторов знаменательных морфем *красн-* и *-голов-* (*красный*, *краснеть*; *голова*, *головка*, *головной*). Однако если корень *красн-* вычленился носителями языка регулярно, то при определении морфемных границ между корнем *-голов-* и суффиксом *-(н)ик-* обнаруживается вариативное членение основы слова, что вызывает не только модификацию конкретизаторов, но и снижение регулярности полимотивации.

3.2.2. Несмотря на достаточную прозрачность морфорегиональной структуры, у фитонимов *медуница* и *девятильник* обнаруживаются случаи нетривиального выделения знаменательных морфем. Поэтому, наряду с полимотивацией регулярными конкретизаторами *мед*, *медовый* и *девять*, в метаязыковую деятельность включаются индивидуальные основные аналогии типа *медуница* < *медуза*, *девятильник* < *дева*, поддерживаемые в деривате-теме размытостью границ морфорегионального шва.

3.2.3. Фитоним *рекостав* по параметру низкой степени членности приближается к производному *свербигуз*, о чем свидетельствуют резкое сокращение аналогичных по корню / основе сближений и увеличение звуковых ассоциаций. Вместе с тем, даже при нерегулярной семантизации деривата *рекостав* точным повтором конкретизатора *река* членность знаменательной морфемы *рек-* еще воссоздается. Случай же единичной морфологизованной семантизации деривата *свербигуз* расходящимися по звучанию элементами *север*, *северный* свидетельствует о наименьшей выразительности определяемого корневого элемента *свер-*, эпендетический преобразуемого в уточняющем множестве.

4. Метаязыковая деятельность носителей языка служит необходимым источником получения знаний об условиях возникновения / затухания, а также специфике действия правил языковой аналогии. Полимотивация деривата, являясь способом интенсифицированной реализации основной аналогии, представляет особый интерес как показатель пределов развития и воплощения механизмов языкового ассоциирования, как коррелят психической динамики языкового индивида и возможная основа стиля языковой личности, как эталон осуществления в речи основного повтора, демонстрирующего адаптивность языка к трем базовым надсистемам — человеку, социуму, универсуму.

Литература

1. Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 2002.

Голофрастические конструкции: причины создания и критерии характеристики в свете современных неологических исследований

И. А. Ковыньёва

Курский государственный медицинский университет

ir_kov@yahoo.com

Неузуальное словообразование, голофрастические конструкции, окказионализмы, критерии характеристики ГК

Summary. The report is devoted to the description of the criteria characteristic of holophrastic constructions from the point of modern neological investigations. Holophrastic constructions, as neologisms, are characterized according to the following criteria: chronological, local, psycholinguistic, social, lexicographical.

Обогащение словаря — это один из важнейших факторов развития языка, свидетельство его динамического характера.

В эпоху кризиса экономики отличительной чертой языка стала его раскрепощенность, ослабление «внутреннего цензора». Следствием этого является типичная черта современного языка — расцвет неузуального словообразования.

Неологизмы представляют собой новые факты языка, различные индивидуально — авторские образования, новые фразеологические обороты.

В шестидесятые-восьмидесятые годы XX века были намечены и определены основные направления изучения неологической лексики русского языка, продолженные в девяностые годы XX века и в начале XXI века.

В некоторых современных филологических исследованиях поднимается вопрос о соотношении окказиональных слов и неологизмов. Окказионализмы являются в отличие от неологизмов фактом речи; они подразделяются на потенциальные слова и собственно окказиональные. Потенциальные слова образованы по продуктивным словообразовательным типам, без нарушений словообразовательных норм (*минималка*, *переработчик*). Собственно окказиональные

слова созданы нетиповыми словообразовательными способами (*антижванецкий*, *что-то-вроде-Эйзенхауэра*).

Огромный интерес «словомейкеров» к созданию окказионализмов можно объяснить рядом причин: необходимостью точно выразить мысль (ресурса узуальных слов для этого может быть недостаточно); стремлением автора кратко выразить мысль (в таком случае новообразование позволяет заменить словосочетание и даже целое предложение); потребностью подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку; стремлением деавтоматизировать восприятие (своеобразный облик слова обращает внимание на его семантику); потребностью избежать тавтологии; необходимостью сохранить ритм стиха, обеспечить рифму, добиться нужной инструментовки.

Относительно причин появления новообразований, созданных при помощи *голофразиса*, можно назвать как причины, вызывающие к жизни любые окказионализмы, так и причины, порождающие преимущественно только *голофрастические* конструкции (дискретность стиля мышления, клишированность восприятия действительности), выходящие за рамки собственно лингвистических причин словотворчества.

Мысль о том, что «новообразование позволяет заменить словосочетание и даже предложение», применительно к *голофразису* имеет не только фигуральное значение (одно слово конденсирует описательную конструкцию), но и буквальное: *голофразис* есть стяжение в единую цельноформуленную сущность части предложения, предложения и нескольких предложений.

В работах по неологии последней трети XX века при разграничении окказиональных слов и неологизмов учитываются следующие критерии: хронологический, локальный, психолингвистический, социальный, лексикографический. *Голофрастические конструкции* как безусловные неологизмы соответствуют всем этим параметрам.

1. Хронологическая характеристика *голофрастических конструкций*. Практически все новообразования (ГК) зафиксированы в художественной литературе (иногда — в публицистике и научной литературе) второй половины XX века. *Моя фамилия Тремсон, мистер... как-вы-сказали-как-ваззовут?* (Х. Эллисон, перевод М. Черняева). *И вот он опять хозяин с деньгами-поэтому-делайте-как-вам-приказано интонацией в голосе...* (Боровой, 1974).

2. Локальный критерий описания *голофрастических конструкций* заключается в следующем. Как окказиональные слова, созданные при помощи *голофразиса*, они описаны, в основном, в русском литературном языке (с небольшими вкраплениями из других сфер русского национального языка). Достаточно часто *голофрастические конструкции* фиксировались в переводных произведениях, которые вполне правомерно интерпретировать как факты именно русского языка: *Зима-у-которой-нет-конца пришла в горы, и олени покинут их* (Г. Гаррисон, перевод), *«Бет была одной из этих если-мне-станет-одинок-я-куплю-себе-собаку женщины»* (К. Кингсбэри, перевод).

3. Психолингвистический критерий проявляется в несомненной нестандартности данных новообразований, непривычности их глазу (следует оговорить, что испытания на слух они не выдерживают, поскольку произнести достаточно длинную *голофрастическую конструкцию* непросто): *Против кого ты прёшь? Против четырёхмиллионяты-*

сотсорокасемитысчevesемьсотдвадцатитрёхквдратнокилометрового чудовища, против армии, флота и угарного сброда; Фразы бессильны, словаслилисьвдвонднуфразу (А. Вознесенский).

4. Социальный критерий проявляется в том, что *голофрастические конструкции* знаменуют собой некий шаг по направлению к синтетичности нашей речи, к ее автоматичности, и в этом плане окказиональные ГК оказываются важным свидетельством языковой трансформации: *Чтоб в морской пехоте служить... Не то что у нас «Побатальонно-перваяротанаместеостальныенаправомарш!»* (А. Лазарчук, М. Успенский), *Лес заблудительный, однойнелъзходительный»* (К. Чуковский).

5. Лексикографический критерий проявляется в том, что *голофрастические конструкции* не включаются в словари (кроме крайних редких фиксаций в серии «Новое в русской лексике. Словарные материалы»).

Литература

1. *Изотов В. П.* Голофразис и его место в кругу смежных явлений // Тезисы докладов на конференции преподавателей и аспирантов факультета русского языка и литературы «Лексические и фразеологические единицы в литературной и диалектной формах национального языка», Орел, ОГУ, 1989. С. 32–34.
2. *Ковыньёва И. А.* Голофразис как способ словообразования в русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2007. С. 9–14.
3. *Лыков А. Г.* Окказионализм и норма // Лыков А. Г. Вопросы русистики: Избранное: В 3 т. Т. 2. Лексикология. Краснодар, 2003. С. 155–178.
4. *Миловская Н. Д.* Голофрастические конструкции в современном немецком языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калинин, 1984.
5. *Первухина И. Ю.* Продуктивные типы и модели современного словообразования (на материале нижегородской прессы конца XX — начала XXI века): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007.
6. *Торопцев И. С.* Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980.
7. *Луханов И. С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2005.
8. *Шанский Н. М.* Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе. 1977. № 3. С. 9–16.

Словообразовательная метафора и прием буквализации

С. Б. Козинец

Московский педагогический государственный университет
kozinec74@mail.ru

Словообразовательная метафора, внутренняя форма слова, прием буквализации

Summary. The main topic of the report is to overlook different ways of word-producing metaphor making literal and stylistic peculiarities of the approach.

Словообразовательная метафора (СМ) — это образное значение производного слова, мотивированное прямым значением производящего слова, например: *вуаль* ‘кусоч тонкой прозрачной ткани, закрывающий лицо’ — *вуальровать* ‘намеренно делать что-либо не совсем ясным (как бы скрывать вуалью)’, *нога* ‘одна из двух нижних конечностей человека’ — *подножие* ‘место у самого низа, основания чего-либо возвышающегося’. Таким образом, в отличие от метафоры лексической, СМ образуется при изменении морфологической структуры слова.

СМ обладает всеми системными и функциональными свойствами метафоры лексической: характеризуется двуплановостью, образностью, выполняет различные функции (номинативную, образную, экспрессивную). Кроме того, СМ может подвергаться буквализации (или демегафоризации) — приему, обыгрывающему внутреннюю форму слова и состоящему в нарочито-буквальном употреблении слова или фраземы. При буквализации словообразовательной метафоры происходит реализация прямого значения производящего в структуре производного: *рогоносец* — ‘тот, кто имеет (носит) рога’, *беспочвенный* ‘не содержащий почвы’, *бессердечный* ‘не имеющий сердца’, *змеиться* ‘ползти (о мзее)’, *химичить* ‘заниматься химией’, *цыганить* ‘быть цыганом или вести жизнь цыгана’ и др.: *Он [кугуар] на меня так выверился! Из капкана рвется, сетка трещит, рычит, клыками сверкает* (В. Кунин, ИнтерКыся); *Бычок копытами роет, бычится, как взрослый бык, но в шутку* (А. Слаповский, Мы).

Буквальзация достигается следующими способами:

1) помещением в контекст а) производящего: *Здесь усыпальница бессердечного Шопена. Бессердечного в том смысле, что композитор был похоронен без сердца, увезенного за тысячу километров отсюда* (Б. Акунин, Кладбищенские истории) или б) синонимичного производного той же словообразовательной структуры: *Каждый, кому 24 октября 1917 года доводилось нюхать кокаин на безлюдных и бесчеловечных петроградских проспектах, знает, что человек вовсе не царь природы* (В. Пелевин, Чапаев и пуста);

2) совмещением прямого и переносного значений при наличии слова, сигнализирующего о реализации прямого употребления: *Доносчиков не уважал и доносы принимал только за обедом, после второго блюда в предвкушении десерта* (Э. Кочергин, Чертова кукла). Этот прием может актуализироваться с помощью кавычек: *«Нужно ли „химичить“ на дачном участке». У сторонников применения химических препаратов на дачных участках есть оппоненты* (Репортер, 2006, № 32). В некоторых случаях может реализовываться только прямое значение: *По чевенгурским дворам процветало множество трав* (А. Платонов, Чевенгур);

3) помещением в контекст слова с противоположной семантикой: *Амазонский змей, хоть с Москвой и ужил, прохладждатся от занятий предпочитает в теплой воде* (В. Орлов, Шверликука, или Любовь к привидению).

Реализация потенциального прямого значения (буквальзация) является окказиональной и встречается в разговор-

ной речи как каламбур и в художественной литературе и публицистике, где такое употребление может иметь различные целевые установки, например, для создания оксюморона: *Я еще чего-то твякнул ему вслед... И остался, как оплеванный. Как оплеванный чистойлюй* (Е. Гришковец, Рубашка) или градации: *Чаща была безлюдная, даже какая-то бесчеловечная* (Ю. Поляков, Грибной царь).

Надо отметить, что буквализации могут подвергаться не все СМ, а только те, которые в прошлом имели как прямое,

так и переносное значение, например, *афишировать* изначально — 'объявлять в афише', *искрометный* — 'мечущий искры'. Словообразовательные метафоры, образовавшиеся непосредственно в деривационном акте (*прямодушный, остроглазый, волнорез*), в буквальном значении употребляться не могут, так как отсутствуют соответствующие денотаты: не может быть буквально *прямой души (прямодушный), острого глаза (остроглазый)*, нельзя буквально *резать* или *ломать* волны (*волнорез, волнолом*) и под.

Пути образования русского компьютерного жаргона

Н. Ф. Крылова

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова (Казахстан)

krylova.tasha@mail.ru

Словообразовательная модель, жаргон, универбация, аббревиация, суффиксация

Summary. The computer slang as professional slang area replenishes at the expense of use of known word-formation models and word-formation means. Such ways of word-formation of computer slang, as semantic tightening, abbreviation, suffixation, and also a semantic derivation appear the most productive.

С появлением глобальных компьютерных сетей и технологий создаются новые формы человеческого общения, которые, несомненно, находят отражение в языке, в частности, это находит отражение в разрастании профессионального сленгового поля. Поскольку компьютерная сфера деятельности относится к наиболее активно развивающейся, то словарь здесь постоянно пополняется новыми лексическими единицами. Исследователи выделяют две группы компьютерной лексики: техницизмы, представляющие собой довольно богато терминологическую систему, и компьютерный (профессиональный) сленг [1: 119]. Основную массу слов составляют техницизмы: *байт* (единица измерения информации), *винчестер* (жесткий диск), *дисплей* (то же, что и монитор), *сканер* (устройство для ввода текстовой и графической информации), *стример* (устройство резервного копирования). А на базе профессионального языка создается жаргон, который демонстрирует изобретательность и игру в деле соединения английских корней и русских словообразовательных аффиксов, использования метафорически преобразованных русских слов и международных терминов и т. д.

Способы словообразования компьютерного жаргона, формальные словообразовательные средства черпаются в самой словообразовательной системе русского языка, новыми оказываются только номинации, единицы наименования, созданные «по образу и подобию».

В соответствии с тем, что одной из причин возникновения жаргона является сокращение длинных профессиональных терминов, часто слова возникают в результате универбации и аббревиации, в основе которых лежит свертывание наименований.

К универбам можно отнести слова, образованные от словосочетаний «существительное + прилагательное». Моделью таких слов является основа прилагательного + суффикс *-к- (-лк-)*: *локалка* < локальная компьютерная сеть; *оперативка* < оперативная память; *искалка* < поисковая программа.

Аббревиация в компьютерном жаргоне представлена различными типами: с усечением конечной части слова (*инфа* < информация, *комп* < компьютер, *прога* < компьютерная программа, *сабж* < «тема» письма или сообщения — служебная строка в заголовке); с усечением начальной части слова (*Net* < Internet; *бук* < notebook); с усечением основы внутри слова (*региться* < регистрироваться, *программить*, *прозать* < программировать); слоговая аббревиация (*вика* < видео карта — плата видеоадаптера; *сисадмин* < system administrator — системный администратор); буквенное сокращение каких-либо словосочетаний и даже предложений (*АКА* < Also Known As — также известный как...); *ИМНО* < in my humble opinion — по моему скромному разумению... Эта аббревиатура употребляется также и в русифицированном варианте, то есть английский текст пишется русскими буквами *ИМХО*; иногда на базе общепринятых выражений возникают и каламбурные: *PnP* < Plug and Play — включи и работай («Plug and Pray» — включи и молись); смешанные тексты, т. е. не только словесное изображение, но и зрительный ряд, в большинстве случаев, цифры: *2L8* < Too Late — слишком поздно..., *BBL8R* < Be Back Later — вернусь через

некоторое время..., *W8* < Wait — подожди..., *F2F* < Face to face — лицом к лицу. Очевидно, что чаще всего в аббревиатурах используются цифры 8 и 4, чей фонемный состав [eɪt] и [fo:] обыгрывается в различных вариациях w[eɪt], [fɛɪt]r, b[fo] и т. д. Подобный прием шифровки используется и по отношению к буквам английского алфавита, например: *CU* < See you — увидимся, до встречи..., *CUL* < See you later — увидимся позже..., *U* = You — ты.

Добавление к заимствованному корню русских аффиксов способствует освоению неологизма, русифицирует его, приобщая к лексическому составу жаргона. Особенно продуктивным при образовании компьютерных неологизмов является суффиксация, в частности довольно активен суффикс *-(л)к-*.

При помощи суффикса *-(л)к-* от глагольных основ образуются наименования игр и программ: *леталка* < летать — игра — симулятор воздушных и космических боев, *стрелялка* < стрелять — игра, в которой нужно только стрелять, *лечилка* < лечить — антивирусная программа, предназначенная для обнаружения и уничтожения компьютерных вирусов. Данные слова объединены сходством характера выполняемого действия. Названия компьютерных игр, возможно, образуются по аналогии с общеизвестными детскими играми, например, *прятки, догонялки* и другие.

В зависимости от отношения к предмету (фамильярным, дружески-уменьшительным или др.) происходит выбор того или иного суффикса. Напр: *вирусяка* (вирус), *писюк* (компьютер), *флопак* (дисковод), *виндузятник* (в неологизме приобретает явную ироничную, неодобрительную окраску).

Активно образуется компьютерный жаргон в результате семантической деривации, когда при сохранении формального облика слова происходит его переосмысление на основе сходства признаков или скрытой ассоциации. Данное явление характерно для многих жаргонных систем. Примерами могут служить следующие слова: *тормозить* — очень медленно работать (о компьютере или программе); *сносить* — удалять информацию с диска; *сдохнуть, полететь* — сломаться.

Следует отметить, что компьютер часто сравнивается с довольно близким живым существом, имеющим «мозг», умеющим «думать»: *мозги, мозг* — оперативная память компьютера (*Какую маму поставить, сколько мозгов записать?*); *думать* — работать (*Что-то машина долго думает, может, зависла?..*). Монитор компьютера «ласково» называют *мордой*, а защитный экран, соответственно, *намордником*.

Наблюдается также явление, противоположное выше названному: *ангрейд* (англ. *upgrade* < *up* — выше + *grade* — степень) — обновить что-либо, усовершенствовать (*Ангрейд головного мозга нужно сделать или голову отангрейдить*).

Интересен также процесс появления своеобразного сленгового фольклора, в котором терминологическая лексика употребляется в широком переносном смысле в различных ситуациях, не имеющих отношения к компьютерам. Например, программист, который не хочет выполнять чью-либо просьбу, говорит: *Can't Open* или *Invalid Request*. Именно такой англоязычный текст высвечивается на экране компь-

ютера, когда он не может выполнить поставленную задачу. Засыпающий вечером трудного дня программист успокаивает себя: *System halted*. То же самое, отключаясь, говорит и компьютер.

Таким образом, появление современной компьютерной лексики обусловлено отражением в языке новой формы коммуникативной активности, новой формы человеческого

общения. И хотя способы, типы и средства образования данной лексики остаются прежними, изменяется характер именованных, которые образуются с помощью этих способов и средств.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.

Словообразовательная специфика русского языка как результат разноуровневых динамических процессов

О. Ю. Крючкова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

vpks@rambler.ru

Русское словообразование, историческая динамика

Summary. The report deals with the steady tendencies in historical development of the Russian word-building, defining the specific features of the Russian word-formation system.

К числу признаков, составляющих словообразовательную специфику русского языка относятся:

- наличие функционально близких словообразовательных средств различной степени сложности (напр., диминутивные суф. *-к-* и *-очк-*, суф. отвлеченных сущ. *-ство* и *-ствие*, адъективные форманты *-ов-* и *-овск-*, глагольные префиксы типа *на-* и *пона-* и др.);
- наличие стилистически дифференцированных словообразовательных средств, маркирующих различные по жанрово-стилистической принадлежности лексемы;
- продуктивность модификационного словопроизводства;
- многокомпонентность словообразовательных категорий, включающих в свой состав синонимические словообразовательные типы, различающиеся тонкими семантико-стилистическими нюансами.

Эти характерные для русского словообразования особенности сформировались на основе устойчиво действующих и взаимодействующих динамических процессов, получающих своеобразное выражение на разных этапах исторического развития русского языка.

В докладе будут рассматриваться следующие постоянно действующие в русском словообразовании тенденции:

1. Аффиксальное усложнение как путь пополнения словообразовательного инвентаря.

Исследователями подчеркивается непрерывность процесса образования новых, сложных по своему составу аффиксов. Причины аффиксального усложнения в целом многообразны и своеобразны в различные исторические периоды и в различных конкретных случаях. Процессы аффиксального усложнения могут иметь формальную, семантическую, стилистическую и прагматическую обусловленность. Аффиксальное усложнение связано также с постоянным взаимодействием агглютинативных и фузионных тенденций в процессах русской словообразовательной деривации. На всех этапах языковой диахронии можно наблюдать действие и взаимодействие двух противоположно направленных тенденций: аффиксальная агглютинация, линейное соединение морфем в составе русского производного слова постоянно сопровождается их фузионной спайкой, см., напр. [1].

2. Влияние жанрово-стилистической дифференциации русского языка на развитие его словообразовательной системы.

Среди многих факторов (собственно языковых и внеязыковых), влияющих на эволюцию словообразовательных средств, значений, моделей, значительная роль принадлежит функционально-стилистическому фактору. Состояние стилистической системы литературного языка (набор функциональных стилей, степень их разработанности, иерархия соотноствующих жанров) в каждую историческую эпоху влияет на динамику словообразовательной системы русского языка. Жанрово-стилистическая система русского языка в целом развивается по пути ослабления книжных стилей, характеризующихся строгой церковнославянской нормой, и усиления разговорного начала в письменной речи, свидетельствующего о ее демократизации. Словообразовательная норма также в целом развивается в русле ослабления про-

дуктивности словообразовательных моделей, обслуживающих потребности текстов книжно-славянской языковой ориентации, и нарастания продуктивности моделей, формирующихся в рамках деловой и бытовой письменности; см., напр. [2].

3. Развитие оценочности и чужденности в словообразовательной семантике.

Процесс развития субъективно-оценочных и качественных значений, вызванный усилением антропоцентризма в языковой картине мира, охватывает словообразовательные подсистемы всех частей речи. Развитие оценочно-качественной семантики в разных частеречных подсистемах русского языка стимулировало в том числе активное пополнение модификационных словообразовательных типов и категорий. Продуктивным в русском языке является внутривидовое словопроизводство, результирующие единицы которого отличаются от своих мотивирующих не новым денотативным значением, а многообразными значениями, качественно характеризующими или оценивающими тот же денотат.

4. Образование и устранение словообразовательной синонимии и дублетности.

Формирование словообразовательной синонимии и дублетности, конкуренция синонимических и дублетных словообразовательных средств — процесс, с большей или меньшей интенсивностью развивающийся на всех этапах истории русского языка в разных его деривационных подсистемах. Условия сложения словообразовательной синонимии и дублетности разнообразны: синонимия и дублетность генетически различных, стилистически гетерогенных словообразовательных средств, синонимия и дублетность усложненных и исходных формантов, синонимия и дублетность модификационно-оценочных аффиксов как их характерологическое свойство и др. Общим фактором словообразовательной синонимии и дублетности является фузионность русского языка, выражающаяся, в том числе, в нестандартности словообразовательных средств, при которой одно и то же деривационное значение может выражаться более чем одним аффиксом. Агглютинативные тенденции, стимулирующие устранение словообразовательной синонимии и дублетности, никогда не достигают своего полного воплощения, вступая в противоречие с фузионными основами русского языка — источником новой синонимии и дублетности словообразовательных средств.

Действие названных тенденций обуславливает характерные для русского словообразования черты, устойчиво сохраняющиеся на протяжении его исторического развития и получающие своеобразное конкретное воплощение на разных синхронных срезах и в разных деривационных подсистемах русского языка.

Литература

1. Крючкова О. Ю. О формантном статусе аффиксальных композиций // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2002. № 6. С. 59–69.
2. Крючкова О. Ю. Функционально-стилистическая динамика русского языка как фактор словообразовательной эволюции // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С. 39–44.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09–04–00193а.

Образование и использование сложных составных существительных в современном русском языке

К.-Х. Лунд (Karl-Henrik Lund)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mail@khlund.dk

Словообразование, новые слова, сложносоставные существительные

Summary. Different types of hyphenated noun co-ordinates are characterized formally and semantically. Special emphasis is made on the formation and use of new co-ordinate compounds where both components decline. It is claimed that the two components of such newly formed compound words as a rule engage in a hypotactic semantic relation determined by contextual and semantic-pragmatic factors.

Среди словообразовательных средств, активно используемых в современном русском языке, в частности в печатных СМИ, одним из достаточно интересных является сложение самостоятельных существительных без помощи интерфикса, т. е. образование сложных составных существительных типа *риэлтор-практик*, *юрист-жилищник*, *бандит-ухажер*, *оператор-рецепционист*, *кассета-освободительница*, *концерт-презентация*. Характерно для этой продуктивной модели то, что входящие в эти образования существительные продолжают выказывать определенную формальную автономию, сохранив свою способность к самостоятельному словоизменению. В то же время на формальное единство сложносоставных существительных указывает наличие одного основного ударения и закрепленный порядок компонентов, что согласно орфографической конвенции отражается наличием дефиса между компонентами. Формальное единство сопровождается смысловым единством, при котором первый компонент является семантически определяемым и несет основную смысловую нагрузку, а второй компонент является определяющим и выступает как приложение к первому компоненту, привнося дополнительную информацию. Такому семантически подчинительному отношению между компонентами соответствует и грамматический род сложносоставного существительного, который определяется по роду первого компонента, например: *недавний концерт-презентация*. Такова общая картина, которая отмечается в ряде работ [1; 2; 4; 5].

Большую формальную схожесть с названными сложносоставными существительными показывают образования с неизменяемым первым компонентом, такие, как *экзит-полл*, *контакт-центр*, *ключ-карта*, *бизнес-процесс*, *бизнес-варяг*, *экспресс-оценка*, *план-карта*, *план-программа*. Хотя можно такие образования рассматривать как варианты выше рассмотренных композитов [4] или как отдельную группу, которая в целом противопоставляется первой группе [5], нельзя не заметить неоднородность этих образований. В [1: 245 и сл.] делается различие между сложносоставными наименованиями, у которых несклоняемый компонент является недавним заимствованием, символом буквы или аббревиатурой (напр., *экспресс-анализ*, *икс-лучи*, *бека-эмульсия*), и такими же наименованиями, у которых несклоняемая часть по своему значению приближается к соответствующему прилагательному (напр., *национал-социалисты*). Однако легко убедиться, что и такое разделение нуждается в уточнениях. Во-первых, есть прямые заимствования, где сложносоставное существительное заимствовано «в комплексе» (напр., *экзит-полл* из англ. *exit poll*), во-вторых, есть кальки, где сочетание компонентов заимствовано из другого языка (напр., *контакт-центр*, *ключ-карта* из англ. *contact centre*, *keycard*), и в которых к тому же один из компонентов может быть недавним прямым заимствованием (напр., *бизнес-процесс* из англ. *business process*), в-третьих, есть частичные заимствования, где только первый компонент является недавним прямым заимствованием (напр., *бизнес-варяг*, *экспресс-оценка*), а само сочетание явным образом не заимствовано из другого языка, и, наконец, есть сложносоставные наименования, которые не являются кальками и компоненты которых не являются недавними заимствованиями (напр., *план-карта*, *план-программа*). В принципе могут быть и другие варианты. При всем разнообразии, однако, нельзя не обратить внимания на важный семантический фактор: некоторые сложносоставные существи-

тельные с неизменяемым первым компонентом представляют собой сочетания двух семантически более или менее равноправных компонентов и приближаются к композитам с самостоятельно изменяющимися компонентами. Из вышеприведенных примеров речь идет о композитах *ключ-карта*, *план-карта*, *план-программа*, которые, таким образом, противостоят остальным примерам с неизменяемым первым компонентом в семантическом отношении — и не только в этом отношении. Примечательно, что именно среди этих композитов бывают колебания, когда оба компонента склоняются, ср. *суточные план-графики* и *при работе с планом-графиком*. Бывают даже случаи, когда компоненты меняются местами, ср. *Пластиковые ключ-карты, которыми все пользуются...* (реклама в Интернете) и *Ионов вставил электронную карту-ключ...* (Александра Маринина). Последний случай иллюстрирует разницу между прямой калькой с другого языка и образование нового слова по законам русского языка с самостоятельно изменяющимися компонентами.

В докладе основное внимание будет уделено образованию и использованию сложных составных существительных с самостоятельно изменяющимися компонентами. Особый интерес в этой связи представляют новые образования, в т. ч. новые потенциальные слова, ср. [3], поскольку именно у части вновь образованных слов появляется возможность судить о контекстуальных и семантико-прагматических факторах, обусловивших выбор говорящим одного из компонентов в качестве ведущего, определяемого. Проведенный нами анализ дает основание полагать, что компоненты, входящие во вновь появившиеся сложения, с единичными исключениями всегда вступают в отношение определяемого и определяющего и что — вопреки утверждениям в [6] — вряд ли правомерно говорить о распространенности «сочинительных отношений» между компонентами, т. е. таких отношений, при которых оба компонента семантически (и синтаксически) равнозначны. В докладе также затрагивается вопрос о вторичном образовании наименований с несклоняемым первым компонентом из сложносоставных существительных с самостоятельно склоняющимися компонентами. Материалом для доклада послужили примеры, отобранные из Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>), Интернета, периодической печати и художественной литературы.

Литература

1. Граудина Л. К. и др. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
2. Земская Е. А. Морфология // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1999. С. 286–441.
3. Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Токтонов А. Г. Анализ системных характеристик словообразовательного процесса // (<http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/novgazlex.html>).
4. Николina Н. А. и др. Словообразование современного русского языка. М., 2005.
5. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. 2-е изд., доп. М., 2005.
6. Belentschikow R. Benennungsweisen // Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich / Hrg. Wolfgang Gladrow. Frankfurt am Main, 1998. С. 209–242.

В мире симилятивов

Й. Митурска-Бояновска

Щецинский университет (Польша)

jmb@ps.pl

Симилятивы, суффиксальные названия, сложения

Summary. *In the World of Symilitivums.* In Russian one finds a considerable group of so-called similitivums — suffixal derivatives and compounds. It comprises nouns referring to objects as based on their similarity to other objects. The same mechanism lies at the basis of metaphor.

В современном русском языке среди имен существительных обнаруживаем довольно большую группу т. наз. симилятивов. Названия эти возникают на основе сходства с другими предметами, явлениями. Такой же механизм лежит и в основе метафорических переносов. Различие лишь на формальном уровне. Надо при этом отметить, что метафора нередко имеет специфический национальный характер. Так, например, в русском и польском языках *осел* в метафорическом смысле означает '(упрямый) дурак', но уже в испанском словом *el burro* (букв. 'осел') называют трудолюбивого человека.

Огромное количество симилятивных наименований находим в русской номенклатуре животных и растений [1]; [2]. Названия компаративного характера, правда значительно реже, встречаются также и в других тематических группах. В результате словообразовательных процессов появляются 2 типа симилятивных названий: суффиксальные дериваты и сложения. Среди суффиксальных названий наибольшей активностью отличаются форманты *-к(а)*, *-ик (-ник)*, *-иц(а)*: *собачка* (@), *крышка* (^), *лимонка* разг. 'ручная граната по форме напоминающая лимон', *мушка* на лице, *черепашка* 'клоп с телом как черепаха', *колокольчик*, *топорик* 'птица с топоробразным клювом', *огуречник* 'растение с запахом свежих огурцов', *лимонница* 'бабочка семьи белянок, лимонно-желтого или зеленовато-белого цвета', *крапивница* 'аллергическое заболевание, при котором на коже быстро появляются и исчезают зудящие волдыри, похожие на ожоги крапивой' и др. Надо при этом обратить внимание на факт, что форманты *-к(а)*, *-ик* характеризуются полифункциональностью. Во многих случаях они параллельно участвуют в деривационных процессах при образовании мотивированных — ЛСВ многозначного слова со значением деминутивности и подобия. Ср.: *голова* → *голов-к(а)* (уменьш.) и *голов-к(а)* болта (симилятив.), *блоха* → *блош-к(а)* (уменьш.) и *блош-к(а)* 'кружочек для игры' (симилятив.), *нос* → *нос-ик* (уменьш.) и *нос-ик* чайника, кувшина; обуви (симилятив.) [3].

По семантическому соотношению мотивирующих основ в структуре сложений, композиты можно подразделить на две группы: сложения с сочинительными отношениями основ и сложения с подчинительным отношением основ. К первой группе относятся следующие названия: *белошип* 'промысловая рыба, выведенная путем скрещивания белуги и шипа', *волкособака* 'животное, являющееся помесью волка и собаки', *шпсонерлит* 'строительный материал из смеси гипса с перлитом', *дыня-тыква* 'бахчевое растение — гибрид

дыни и тыквы'. Структура второй группы биноминов имеет двоякий характер, так как определяющие компоненты либо в препозиции, либо в постпозиции (чаще). Можно это проиллюстрировать соответственно следующими примерами: *лыжи-поплавки*, *гостиница-общезитие*, *еж-тетрапод*, *плат-газета*, *крючок-вешалка*; *вертолет-кран*, *дом-подкова*, *капсула-медальон*, *кафе-стекляшка*, *куртка-алюминий*. В сложениях с подчинительным отношением основ обнаруживаем разные связи деривата с предметом, который лег в основу сравнения:

- 1) сходство части предмета с другим предметом: *сапоги-чулки*;
- 2) сходство предмета с миром животных: *мать-кукушка*, *отец-кукушка*, *шал-паутина*, *парашют-крыло* 'парашют, принимающий при полете вид крыла', *рукава-крылья*, *шапка-гребешок*;
- 3) сходство общей формы предмета с формой реального предмета: *каблучок-рюмочка*, *крыша-ванна*, *паром-катамаран*, *юбка-зонтик*, *дом-бочка*, *юбка-тольпан*;
- 4) сходство предмета с функцией другого предмета: *видео-няня*, *вертолет-амфибия*, *джейс-бонды* 'работники разведки спецслужбы', *корабль-матка*, *судно-матка*, *корабль-шпион*;
- 5) другие типы сходств: *кафе-грот*, *пистолет-пулемет*, *полицейский-зомби*.

Как в семантических дериватах, так и в симилятивных названиях основа сравнения, т. е. *tertium comparationis*, может быть одна и та же, ср.: *нос* корабля, *нос-ик* чайника (место расположения), *арлекин* 'бабочка, рисунок на крыльях которой напоминает пестрый костюм арлекина', *лисич-к(а)* 'гриб' (цвет), *тарелка* 'спутниковая антенна', *булочка-раковина* (форма), компьютерный *вирус*, *дом-термос* (функция), *креветка-крыль* 'планктонный морской рачок, по вкусовым качествам напоминающий креветку (промысловое и торговое название)' (вкус), *сирена* 'гудок', *волч-ок* 'вращающаяся детская игрушка, которая издает особый звук; юла' (звук).

Литература

1. Калишан Е. Симилятивные наименования в русской номенклатуре животных: Избранные аспекты изучения русского языка и литературы / Под ред. А. Маркунаса. Poznań, 1998. С. 11–16.
2. Józwiak J. Названия животных в русском и польском языках. Poznań, 2007.
3. Miturska-Bojanowska J. O metaforze i sufiksie podobieństwa w dydaktyce // *Annales Neophilologiarum*. 2004. № 2. Szczecin, 2005. S. 147–152.

Архитипы суффиксальных имен существительных

Д. А. Осильбекова

Московский педагогический государственный университет

osilbekova@list.ru

Словообразовательный аффикс, словообразовательный тип, словообразовательный архитип

Summary. The paper considers derivative archetype as a group of word-formative types with common formant. We examine two kinds of substantive's archetypes — homogeneous and heterogeneous.

В лингвистике термин «словообразовательный архитип» используется для обозначения единицы, объединяющей несколько словообразовательных типов (СТ) с общим формантом. В эту комплексную единицу системы словообразования мы включаем не только СТ, но и единичные образования. В сфере суффиксальных субстантивов, на наш взгляд, четко различаются гомогенные и гетерогенные словообразовательные архитипы. К гомогенным относятся архитипы с однозначным словообразовательным аффиксом (СА). Необходимо заметить, что однозначность СА не предполагает однозначности СТ, семантические подтипы которых могут быть обусловлены полисемией производящих.

Основную часть гомогенных архитипов составляют СТ производных со значением лица. Это существительные, образованные от разных частей речи с суффиксами:

- анин: *волжанин*, *каторжанин*, *магометанин* (от сущ.); *чужанин*, *латинянин* (от прил.);
- ар: *бочар*, *гусяр*, *юбиляр* (от сущ.); *дояр* (от глаг.);
- ей: *грамотей* (от сущ.); *богатей* (от прил.);
- ер: *костюмер*, *карабинер* (от сущ.); *интервьюер*, *пробирер* (от глаг.);
- ён(а): *сластёна* (от сущ.); *смирёна* (от прил.); *гулёна* (от глаг.);
- ир: *банкир*, *бригадир*, *кассир* (от сущ.); *командир* (от глаг.);

-ист: *дарвинист, массажист, таксист* (от сущ.); *архаист, специалист, фигурист* (от прил.);
 -ох(а): *бабёха, дурёха, Настёха* (от сущ.); *нескладёха* (от прил.); *выпивоха, побироха* (от глаг.);
 -ух: *конюх* (от сущ.); *пастух* (от глаг.).

Выделяется также гомогенные архитипы на основе общности СА с собирательным значением:

-ик(а): *символика, методика, ритмика* (от сущ.); *периодика, классика, синтетика* (от прил.);

и предметным значением 'вещество':

-ад: *лимонад* (от сущ.), *маринад, рафинад* (от глаг.); -ин: *кофеин, ванилин* (от сущ.); *эластин, стерилин, наркотин* (от прил.).

СА приведенных выше архитипов выполняют функцию мутации. Лишь в СТ производных типа *бабёха* суффикс дублирует значение агентивного производящего, и на первый план выступает стилистическая функция.

Для СА с отвлеченным значением не характерно формирование гомогенных архитипов. Нами отмечены лишь три СА, объединяющие СТ мутационных и транспозиционных производных, а также единичные образования:

-ёж: *картёж* (от сущ.) — мутация; *грабёж, делёж, падёж* (от глаг.) — транспозиция;

-ин(ы): *именины* (от сущ.); *сороковины* (от прил.) — мутация; *крестины, родины, смотрины* (от глаг.) — транспозиция;

-истик(а): *ерундистика* (от сущ.) — стилистическая функция; *шагистика* (от глаг.) — транспозиция.

В производном *ерундистика* суффикс *-истика* дублирует отвлеченное значение производящего *ерунда* и выполняет лишь стилистическую функцию.

Гетерогенные архитипы формируются на основе общности СА с инвариантной семантикой. Такая семантика присуща суффиксам, обладающим общепредметным значением, которое представлено в вариантах 'лицо', 'животное', 'предмет', 'совокупность предметов'. Мутация является основной словообразовательной функцией СА с инвариантной полисемией.

Значения 'лицо', 'животное', 'предмет' выражают производные архитипов с суффиксами: *-аг(а)*, *-ак*, *-ак(а)*, *-ан*,

-арь, *-ач*, *-ень*, *-ец*, *-ик*, *-к(а)*, *-ник*, *-ух(а)*, *-уш(а)*, *-ушк(а)*, *-чк(а)*, *-шк(а)*, *-щик / -чик*. Например, производные с суффиксом *-ец* образуются от существительных, прилагательных и глаголов и имеют значения 'лицо' (*храбрец, борец*), 'животное' (*живец, телец*), 'предмет' (*варенец, холодец*).

Значения 'лицо' и 'предмет' присущи архитипам производных на *-аль*, *-атор*, *-нищ(а)*, *-ул(я)*, *-ырь*, *-ышк(а)*. Например, архитип существительных с суффиксом *-атор* включает в себя два СТ — отсубстантивные и отглагольные образования с агентивным (*навигатор, экзаменатор*) и предметным (*локатор, инкубатор*) значением. Кроме того, в архитип входит единичное отаггективное образование со значением лица *новатор*.

Выделяются также архитипы производных, образованных от разных частей речи, со следующими вариантными значениями СА:

— 'лицо', 'животное': *-аш* (*торгаш, мордаш*), *-ун* (*горбун, слепун*);

— 'животное', 'предмет', собирательное значение: *-в(а)* (*кряк-ва, бритва, листва*);

— 'лицо', 'предмет', собирательное значение: *-ин(а)* (*жадина, пробоина, квашенина*), *-н(я)* (*сводня, пекарня, пятерня*);

— 'лицо', 'животное', 'предмет', собирательное значение: *-ищ(а)* (*тупища, капустаница, ядрища, троища*); *-ок* (*стрелок, слеток, желток, десяток*);

— 'предмет', собирательное значение: *-j(e) / -j(o)* (*зимовье, рваньё*), *-няк* (*редняк, вербняк*).

Единственный архитип, объединяющий СТ с инвариантным значением отвлеченного признака — это отглагольные и отсубстантивные производные с суффиксом *-от(а)*, выполняющим функцию транспозиции и имеющим варианты значения 'действие' (*пахота*) и 'состояние' (*икота, скукота*).

Таким образом, архитип представляет собой комплексную единицу системы словообразования, которая на основе тождества форманта объединяет производные разных частей речи с разными словообразовательными функциями. СА с инвариантной семантикой формируют гомогенные архитипы, СА с инвариантной семантикой — гетерогенные.

Закономерности вхождения новых слов в систему словообразовательных гнезд русского языка на рубеже XX–XXI вв.

Пак Кын Хе

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова / Корея

jaljubljubac@hotmail.com

Производные и непроизводные неологизмы рубежа XX–XXI вв., развитие словообразовательной системы, словообразовательное гнездо

Summary. The paper discusses the general principles of including of the modern Russian neologisms into the derivational system of Russian language.

В современном русском языке конца XX — начала XXI в. наблюдается активное пополнение словарного состава новыми словами, что отражают словари новой русской лексики. Многие из неологизмов не только быстро осваиваются грамматической и лексической системами языка, но и обретают свое место в системе словообразования: «Новое слово, будь то словообразовательный или семантический неологизм, образованный на русской почве или заимствованный, включается в парадигматические отношения с другими единицами языка, встраивается в словообразовательную систему» [2: 96].

В докладе предлагаются результаты осмысления закономерностей включения неологизмов последнего десятилетия (материал извлечен из Словаря актуальной лексики XXI века [4] и ресурсов Интернета) в словообразовательную систему современного русского языка, получившую отражение в двухтомном «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова [3] в виде перечня словообразовательных гнезд (СГ). Как показывает анализ собранного нами языкового материала, около 10% неологизмов являются непроизводными, остальные должны быть отнесены к числу дериватов. Такое соотношение производных и непроизводных слов среди неологизмов в целом соответствует соотношению указанных классов слов в общем словарном запасе русского языка, где слов с немотивированным значением

приблизительно 12% [1: 243]. При этом включение непроизводных неологизмов в словообразовательную систему русского языка осуществляется по иным законам и приводит к иным результатам по сравнению с производными неологизмами.

Непроизводные неологизмы распределяются с точки зрения словообразования по трем основным подгруппам: 1) непроизводные одиночные слова типа *аура, ассесмент*; термин «одиночные слова» нами используется вслед за А. Н. Тихоновым для обозначения слов, которые «не являются производными для других слов и не имеют производных» [3, т. 2: 917]; подобные слова пассивны в деривационном отношении и не вливаются в словообразовательную систему русского языка; 2) непроизводные слова, ставшие вершинами новых СГ, не зафиксированных в [3] (*айкидо, ангрейд, андеррайтинг* и т. п.); 3) непроизводные слова, входящие в существующие СГ и перестраивающие эти СГ. Эта подгруппа весьма малочисленна. К ней относится, например, новое слово *аскеза* 'принцип поведения, характеризующийся отказом от жизненных благ, удовольствий и т. п.' [4: 91]. Благодаря лексикографической кодификации слова *аскеза* в указанном новом, не религиозном, значении появляются основания для пересмотра строения всего СГ А481 (по классификации А. Н. Тихонова) поскольку исходное, по Тихонову, слово *аскет* должно быть, очевидно, семантизи-

ровано как 'человек, которого характеризует стремление к аскезе'. В таком словообразовательном контексте слово *аскет* становится уже не вершиной СГ А481, а одним из производных от *аскезы* слов, т. е. все строение данного СГ радикально меняется.

Дериваты-неологизмы можно разбить на пять подгрупп:

1. Неологизмы, вошедшие в то или иное новое СГ, не зафиксированное в словаре Тихонова. Например, заимствованное *рейтинг* является не одиночным словом, а вершиной нового СГ, в которое входит, например, префиксальное образование *антирейтинг* 'цифровой показатель отрицательной оценки чьей-л. деятельности'. 2. Неологизмы, занявшие свое место в том или ином из уже существующих СГ. Например, слово *автобан* 'широкая магистраль для скоростного движения автомобилей', которое органично вошел в обширное СГ А57 (согласно словарю [3], 146 дериватов) с вершиной *автомобиль*, заняв свое место в словообразовательной цепочке *автомобиль* → *автомобильный* (сокр. *авто-*) → *автобан* (2-я ступень производности). 3. Неологизмы, вошедшие одновременно в два или более новых СГ. Обычно такие слова оказывают влияние на существовавшие до сих пор деривационные отношения между русскими словами. Ярким примером таких процессов является дериват *видеоарт* 'искусство видеинсталляции', которое вошло в новое СГ с вершиной — заимствованным неологизмом *арт* 'искусство': *арт* → *арт-бизнес*, *арт-галерея*, *арт-директор*, *арт-карьера*, *арт-критик*, *арт-объект*, *арт-рок* / *артрок*, *арт-рынок*, *арт-современность*, *арт-терапия*, *боди-арт*, *видеоарт*. В то же время дериват входит и в другое новое СГ, формирование которого в современном русском языке стало возможно только после заимствования слова *видео* в значении 'отрасль культуры (науки, техники, искусства, социальных отношений), связанная с сохранением и воспроизведением визуальной информации и ее звукового сопровождения' [4: 193]. 4. Неологизмы, вошедшие одновременно в два или более существующих СГ. Таково, например, существительное *автодизайнер* (слово вошло сразу в два СГ: А57 с вершиной *автомобиль* и Д245 с вершиной *дизайн*). Еще один пример — исконно русский неологизм начала XXI века *автогражданка* 'обязательное страхование

автогражданской ответственности, т. е. юридической ответственности лиц, владеющих автомобильным транспортом', который вошел одновременно в СГ: А57 (вершина *автомобиль*) и Г435 (вершина *гражданин*). Подобных неологизмов со сложными основами немало в словнике [4]. 5. Неологизмы, вошедшие одновременно в два или более СГ, при этом одни СГ являются новыми, а другие — зафиксированными в [3]. Таким является, например, слово *арт-бизнес*, которое входит в новое СГ с вершиной АРТ и в уже зафиксированное СГ с вершиной БИЗНЕС Б264. Такие неологизмы в словообразовательном отношении отличаются от дериватов типа *видеоарт* и *бодиарт* / *боди-арт*. Первый входит, как было показано, в два новых СГ (с вершинами *видео* и *арт*), а второй — только в одно СГ (*арт*), так как неологизм *боди* в русском языке имеет специфическое значение 'женское облегающее белье с рукавами или без рукавов, обычно с застежкой снизу' [4: 147] и поэтому не может рассматриваться как производящее слово по отношению к *бодиарт* 'художественное украшение обнаженного тела с помощью росписи, татуировок, пирсинга и т. п.'

Таким образом, процесс вхождения в систему современного русского словообразования неологизмов последнего десятилетия неоднозначен и разнонаправлен. Многие из новых слов пополняют группу одиночных слов, не вошедших в состав словообразовательных гнезд. Другие неологизмы (их большинство) или сами становятся вершинами новых СГ, или же пополняют состав дериватов, формирующих уже существующие в русском языке СГ или же входящих в новые СГ.

Литература

1. Клобуков Е. В. Словообразование // Современный русский язык: Новое издание / Под редакцией П. А. Леканта. М., 2009.
2. Маринова Е. В. Особенности формирования новых словообразовательных гнезд в современном русском языке // Проблемы языковой нормы. Тезисы докладов международной конференции «Седьмые Шмелевские чтения». М., 2006.
3. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. М., 2003.
4. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2006.

Протяженные префиксы как результат развития словообразовательной системы языка

О. А. Пацук

Нижегородский государственный педагогический университет

olalpa@mail.ru

Протяженный префикс, морфемный комплекс, полимотивированность, семантическая нейтрализация, переразложение

Summary. Formation and functioning of compound prefixes is one of the active processes in the field of word-building. Inunequivocal nature of compound units of language word-building level causes certain difficulties in their interpretation.

Словообразование представляет собой развивающуюся систему. Одной из тенденций такого развития является формирование в языке фонологически протяженных единиц, которые пополняют инвентарь морфем и создают новые словообразовательные модели. Протяженный аффикс этимологически членится на два-три компонента (две-три простые морфемы) и является сложным с точки зрения формы, однако с точки зрения семантики выступает как единая простая морфема, выполняющая в языке определенную семантическую и грамматическую функцию. Неоднородная природа протяженных морфем вызывает значительные трудности в их интерпретации, что позволило И. А. Ширшову выдвинуть проблему морфемного комплекса, под которым понимается фонологически тождественная аффиксальная последовательность, которая в производных словах имеет трехчастную структуру.

В одной группе слов аффиксальная последовательность представлена двумя-тремя простыми морфемами: *не-до-мыслити* (не понять, не додуматься) ← *до-мыслити* (понять, додуматься) ← *мыслити* (думать), *не-без-оружный* (имеющий оружие) ← *без-оружный* (не имеющий оружия) ← *оружие*, *о-бес-толковеть* ← *бес-толковый* ← *толковый*. Это первая фаза формирования протяженных морфем (префиксов), которая в современном языке либо пред-

ставлена незначительным количеством производных, либо не представлена вовсе в силу выхода слов из употребления.

В другой группе слов аффиксальная последовательность представлена двояко ввиду полимотивированности производного: *о-без-зубеть* (стать беззубым) ← *без-зубый* ← *зуб* и *обез-зубеть* (лишиться зубов) ← *зуб*; *не доплатить* (не произвести дополнительной оплаты) и *недо-платить* (заплатить не полностью) ← *платить*; *не-без-дарный* ← *без-дарный* ← *дар* и *небез-дарный* ← *дар*. Эта группа производных, как правило наиболее многочисленная, представляет собой то пространство, где формируется протяженный префикс.

Необходимым условием формирования протяженной морфемы является структурная особенность словообразовательного гнезда, построенного по принципу словообразовательных цепей. Протяженный префикс формируется в полных (минимум трехкомпонентных) словообразовательных цепях, этапы его формирования можно выразить следующим образом:

есть → *до-есть* → *не до-есть* → *недо-есть*;
полезный → *бес-полезный* → *не-бес-полезный* → *небес-полезный*;
воля → *без-вольный* → *о-без-волить* → *обез-волить*.

В третьей группе производных выделяется одна протяженная морфема: *недо-слышать* ← *слышать*, *недо-понять* ← *понять*, *обез-жирить* ← *жир*, *обес-точить* ← *ток*. Протяженный префикс как самостоятельный словообразовательный формант функционирует в неполных двухкомпонентных цепях, которые характеризуются пропуском одного звена, предусмотренного языковой системой, что свидетельствует о единственной мотивации производного. В неполных цепях реализуется так называемое чересступенчатое словообразование, которое дает жизнь новым префиксальным единицам, сложившимся из префиксов *не-* и *до-*, *о-* и *без-* (*бес-*) и функционирующим как неделимые префиксы *недо-* и *обез-* (*обес-*).

Свертывание полной словообразовательной цепи в неполную может происходить в результате выпадения из системы языка одного из промежуточных звеньев. Так, утрата языком глагола *довидѣти* привела к тому, что полная словообразовательная цепь *видѣти* → *до-видѣти* → *не-довидѣти* стала двухкомпонентной. Поэтому в современном языке в глаголе *недовидеть* (плохо видеть, иметь слабое зрение) выделяется не два префикса *не-* и *до-*, а только один протяженный префикс *недо-*. Переинтеграция морфем в слове, возникающая вследствие архаизации производящей основы, требует рассматривать данное явление как с позиции синхронии, так и диахронии.

Не только структурные, но и семантические изменения создают предпосылки для формирования протяженных морфем. К изменениям такого рода относится явление семантической нейтрализации в процессе словообразования. Информативная нагрузка морфем распределяется в производном неравномерно, что связано с их позицией в слове. Префикс, занимающий конечное положение в производной основе, находится в сильной позиции, потому что выполняет словообразующую функцию и реализует свое словообразовательное значение в чистом виде. Неконечный префикс, попадающий в положение между корнем и крайней служебной морфемой, оказывается в слабой позиции, так как утрачивает свою деривационную функцию, становясь частью производящей основы. Оказавшись в слабой семантической позиции, неконечный префикс сохраняет свою форму, но утрачивает значение, поэтому производное становится по-

лимотивированным. Так, прилагательное *небезвредный* с одним семантическим и фонологическим наполнением имеет три мотивации: *небез-вред-ный* (причиняющий некоторый вред) ← *вред*; *небез-вредный* (в некоторой степени вредный) ← *вредный*; *не-безвредный* (не совсем безвредный) ← *безвредный*.

Поглощение вторичной приставкой, находящейся в сильной позиции, предшествующей приставки происходит по причине семантической нейтрализации последней в слабой позиции. Следствием семантической нейтрализации является структурное слияние соседних морфем, что приводит к переразложению основы и возникновению протяженного префикса с новым значением: *недо-* (не полностью совершить действие), *небез-* (умеренная степень проявления признака), *обез-* (лишить(ся) чего-либо). В результате семантической нейтрализации морфем наблюдается расхождение морфемного и словообразовательного анализа, потому что формальной морфемной сложности производного не соответствует сложность семантическая.

Сложившиеся в языке протяженные единицы часто становятся регулярными и более продуктивными, чем те аффиксы, на базе которых они возникли, что связано с расширением их сочетаемостных возможностей. Протяженные префиксы *недо-* и *обез-* широко используются в системе глагольного и именного словообразования: *недорассчитать*, *недоулыбнуться*, *недовлечение*, *недочеловек*, *недоразрушенные* (церкви); *обессахарить*, *обезуглеродить*, *обезматочить*, *обезоливание*, *обезволаживание* и др. Префикс *небез-* вряд ли можно признать полностью сформировавшимся, потому что в языке отсутствуют производные, где он выступал бы только как целостная единица в качестве самостоятельного словообразовательного форманта в двухкомпонентной словообразовательной цепи.

Таким образом, словообразовательная система развивается по принципу «нанизывания» простых морфем, количество которых в языке ограничено. Поэтому на определенном этапе словообразовательная система исчерпывает свои ресурсы и начинает формировать новые словообразовательные средства на базе уже существующих. Их появление — результат глубинных семантических и структурных процессов между словообразовательными единицами.

Специфика современных деривационных процессов в аспекте «амероглобализации»

Л. В. Рацбургская

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

racib@rambler.ru

Глобализация, деривация, интернациональные морфемы, словообразовательные модели, новообразования СМИ

Summary. In the theses were analyzed international morphemes and models in the Russian word-formation as the reflection of the processes of internationalization.

Одна из характерных черт современного общества — «возрастание масштабов и интенсивности межкультурного и межязыкового взаимодействия» [3: 29]. На смену трехсотлетней эпохи европейской глобализации пришла эпоха «амероглобализации», вследствие которой «глобальным становится английский язык, в результате чего происходит смена источника интернациональной лексики» [2: 183].

Важные социально-экономические и общественно-политические преобразования в странах Восточной Европы на рубеже XX–XXI веков, завершившиеся сломом не только общественной формации, но и мировоззренческих ориентиров, нашли отражение в англоязычной ориентации славянских языков: «потребность в новых номинациях стала все чаще удовлетворяться за счет интенсивного притока англицизмов. Это не только облегчало доступ к современным достижениям в области науки, техники, культуры и пр., но и вводило этническую общность в мировой цивилизационный контекст» [3: 30].

Деривационные процессы в славянских языках в аспекте «амероглобализации» связаны с использованием при создании новообразований иноязычных производящих основ и словообразовательных аффиксов, которые присоединяются как к исконным, так и к заимствованным основам; с изменением морфемного статуса ряда иноязычных морфем в языке-реципиенте; с активизацией нетипичных для языка-

реципиента словообразовательных способов и моделей. По мнению ученых, вследствие глобализации в современных славянских языках сложились национальная и интернациональная словообразовательная подсистемы [2: 186]. В разных славянских языках наряду с латино-греческими элементами активно функционируют слова и морфемы английского происхождения. Более того, «греко-латинские аффиксы продолжают проникать в остальные мировые языки, но уже при посредстве английского языка» [2: 184].

Новообразования в современных российских СМИ являются ярким отражением глобализационных тенденций в славянском словообразовании. Об этом свидетельствуют словообразовательные категории, которые обслуживаются интернациональными морфемами. В ходе деривационных процессов активно образуются существительные с суффиксами *-изм*, *-изация(я)*, *-ад(а)*, называющие актуальные социальные явления, разного рода идеологические направления, общественно-политические течения: *западнизм*, *бермудизм*, *дегенератизм*, *медведизм* (от фамилии Президента), *пашизм* (от личного имени Паша одного из провинциальных руководителей), *макдоналдизация* (ТВ), *версачеализация*, *телевизоризация*, *румынизация*, *чеченизация*, *эстонизация*, *web-ализация*, *зюгонада*, *мавродиада* и др.

В текстах СМИ широко представлены наименования лиц — сторонников различных идеологий, партий, движе-

ний, общественно-политических лидеров, известных деятелей культуры с иноязычными суффиксами *-ист, -оид*: *нашисты, демократисты, солидаристы, граффитисты, галатеисты, феллинисты, антонионисты; бавароид, коммуноид, кубаноид, путиноид, фоменкоид*.

В последнее время возросла словообразовательная активность греко-латинских по происхождению префиксов *анти-* со значением отрицания, противоположности (*антиреидеры, антихакеры, антициник, антипрогрессизм, антиновация, антипир, антиеда, антиманьячная кампания, антинаповские акции*); *де-* со значением отрицания (*де-сталинизация, де-ельцинизация, декультуризация*); *псевдо-* с семантикой неистинности, ложности (*псевдоопозиция, псевдополицейский, псевдодоходостяк, псевдоопекуны, псевдокласс, псевдомилдронат, псевдосред, псевдомедицинские приборы, псевдодокументальный стиль*); *супер-* со значением высокой степени (качества, признака), с оценочной экспрессией (*суперзащита, супервертолеты, суперсорняки, суперредители, супервыборы, суперотель, суперномер, супербывшая жена*); *экс-* с семой «бывший», унаследованной из английского языка (*экс-пилот, экс-продюсер, экс-бизнесмен, экс-начальник, экс-лауреат, экс-«Мисс Вселенная», экс-владелец, экс-неэрастник, экс-компаньоны, экс-супруг, экс-муж*).

Высокую активность в современных деривационных процессах проявляют интернациональные препозитивные и постпозитивные элементы, приобретающие в современном русском языке статус префиксоидов и суффиксоидов: *евро-* (*евромюзика, евромакияж, евроскептик, европессимист, еврооптимист, европаника*); *кино-* (*киносообщество, киномирок, кинопамятник, киношлягер, кинодиссидент*); *нано-* (*нано-*

бум, наноденьги, нанокосметика, нанопродукты, нанокефир, нанолекарства, наноалмазы); *теле-* (*телебалет, телечертовщина, телеудача, телерадиоахтамство*), *мега-* (*мегаславяне, мегарискованны*), *-гейт* (*алтайгейт*), *-лог* (*амуролог, византолог*), *-мен* (*блужден, капустамен*), *-ман* (*алисоман, поттероман*), *-мани(я)* (*обамамания, гусомания, барбимания, бродскомания, пиаромания, лекарствомания, ребромания*), *-фоби(я)* (*банкофобия, коммунофобия, обамафобия, путинофобия*).

Под влиянием английского языка в русской деривационной системе укрепляются модели, представленные агглютинативными структурами с препозиционной постановкой несогласованного определения: *бизнес-сообщество, бизнес-виза, бизнес-отношения, бизнес-опека, бизнес-элита; интернет-класс, интернет-клуб* и др. [3].

Как показывает анализ новообразований в текстах СМИ, в современных деривационных процессах активизируются те интернациональные морфемы, способы и модели, «которые актуальны для данного социума в данный период для номинации определенных социокультурных реалий» [1: 72].

Литература

1. Авина Н. Проявление интернационализации в русском языке в ситуации этнокультурного взаимодействия // *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce, 2009.
2. Коряковцева Е. И. Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса // *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce, 2009.
3. Нецименко Г. П. Заимствования vs. интернационализмы в современной вербальной коммуникации // *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce, 2009.

Множественная префиксация и структура русской глагольной основы

С. Г. Татевосов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

tatevos@philol.msu.ru

К. Л. Киселева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

xenkis@mail.ru

Деривационная морфология, русский глагол, структура глагольной основы, префиксация

Summary. We argue that superlexical prefixes in Russian fall into two distinct classes that differ as to how their distribution is constrained. One of those classes contains prefixes that show a **selectional restriction (SR)** on co-occurrence with the verb stem: the stem has to be imperfective. Another class of prefixes exhibit a **positional restriction (PR)**: in the hierarchical structure of the stem, the prefix has to be located below the secondary imperfective morpheme *-ыва-*.

Явление. В целом ряде недавних западных работ [Babko-Malaya 1999], [Ramchand 2004], [Svenonius 2004], [DiSciullo, Slabakova 2005], [Romanova 2006], посвященных префиксации в славянских языках, в частности, в русском, обосновывается противопоставление **внутренних**, или лексических, и **внешних**, или супралексических префиксов. К последним относятся *на-* в кумулятивном значении (*набрать грибов*), *по-* в делимитативном значении (*посидеть в кресле*), *за-* в инхоативном значении (*запеть песню*), *пере-* в дистрибутивном значении (*перестрелять всех врагов*), *пере-* в репетитивном значении (*перечитать книгу*), *до-* в комплетивном значении (*дописать статью*), *под-* в аттенуативном значении (*подустать*) и ряд других. Определяющими свойствами внешних префиксов являются композиционный характер семантического взаимодействия с основой [Babko-Malaya 1999], предсказуемость воздействия на ее аргументную структуру [Svenonius 2004] и позиция в основе в случае множественной префиксации. В иерархической структуре основы внешние префиксы размещаются поверх внутренних, на ее левой периферии, ср. *на-за-бывать гвоздей в стену* и **за-на-бывать, по-за-писывать диски* и **за-по-писывать, пере-от-крывать все двери* и **от-пере-крывать* и т. д.

Гипотеза. В настоящей работе мы показываем, что внешние префиксы распадаются по меньшей мере на две группы, **селективно-ограниченные** и **позиционно-ограниченные**, каждая из которых образует естественный морфологический класс. Селективно-ограниченные префиксы, кумулятивный *на-*, делимитативный *по-*, инхоативный *за-* и дистрибутивный *пере-*, соединяются только с **имперфективной основой**. Позиционно-ограниченные префиксы, репетитивный

пере-, комплетивный *до-* и аттенуативный *под-*, подчиняются другому ограничению: в иерархической структуре основы они располагаются **не выше показателя вторичного имперфектива -ыва-**.

Обсуждение. Имеется несколько аргументов в пользу данного анализа, которые опираются на следующие факты, связанные с множественной префиксацией и вторичной имперфективацией.

Селективные свойства префиксов. Селективно-ограниченные префиксы обнаруживаются в комбинации как с непроизводными имперфективными основами (*на-вари-ть, по-чита-ть, за-бегать, пере-стреля-ть*), так и с вторичными имперфективами — см. (1). Однако они систематически неграмматичны в комбинации с перфективными основами, как непроизводными, (2), так и префигированными, (3). Позиционно-ограниченные префиксы не имеют подобных ограничений, ср. (4) с непроизводными имперфективными, (5) с непроизводными перфективными и (6) с префигированными основами.

Позиционные свойства префиксов. Позиционно-ограниченные префиксы могут присоединяться к основе только до показателя вторичного имперфектива *-ыва-*. Если в основе такой префикс представлен одновременно с *-ыва-*, основа является имперфективной, а это означает, что префиксация происходит до имперфективации. (7а-с) показывают это для случаев, когда исходным пунктом деривации является простая имперфективная основа, а (8а-с) — для случаев, когда эту же деривацию претерпевает префигированная перфективная основа. В последнем случае видно, что альтернативные деривации в (8а'-с'), в которых префиксация и импер-

фективация осуществляются в другом порядке, невозможна. Селективно-ограниченные префиксы не подчиняются этому ограничению. В (9) представлены примеры, где эти префиксы присоединяются поверх показателя вторичного имперфектива.

Из данных обобщению вытекают нетривиальные предсказания о возможных и невозможных типах множественной префиксации. За неимением места приведем только один пример: если в основе представлен и селективно-ограниченный и позиционно ограниченный префиксы, причем первый присоединяется поверх второго, они должны быть разделены показателем вторичного имперфектива. Соответствующие примеры показаны в (10).

Заключение. Обсуждавшиеся в этой работе ограничения на префиксацию указывают на когнитивную реальность иерархической структуры глагольной основы. В противном случае объяснить эти ограничения не представляется возможным.

Примеры

- (1) а. **На-[от-крява]**^{IPFV} **-ли** детских садов целый город, а мебели не дают.
 б. Запустил программу, записывающую действия на экрane, и **немного** по-[запис-ыва]^{IPFV} **-л**, что и как.
 в. Мальчик вдруг заиграл, за-[заби-ва]^{IPFV} **-л** и стал звездой всей Европы.
 д. Долго искал утилитки для подобной работы, пере-[спраш-ива]^{IPFV} **-л** всех друзей.
 (2) а. ***На-[да]**^{IPFV} **-ла** (**ок** на-[да]^{IPFV} **-ва**^{IPFV} **-ла**) ему пощечин.
 б. *Посидим, **по-[реши]**^{IPFV} **-м** (**ок** по-[реши]^{IPFV} **-а**^{IPFV} **-ем**) вопросы.
 в. *Ему показалось, что он наконец за-[ощути]^{IPFV} **-л** (**ок** за-[ощути]^{IPFV} **-а**^{IPFV} **-л**) свою душу.
 д. *Я успел запустить семь или восемь самолетиков, пере-[броси]^{IPFV} **-л** (**ок** пере-[брос]^{IPFV} **-а**^{IPFV} **-л**) **все** дротики в мишень.
 (3) а. ***На-[от-кря]**^{IPFV} **-ли**.
 б. #по-[за-писа]^{IPFV} **-л**.

- с. *за-[заби]^{IPFV} **-л**.
 д. #пере-[спроси]^{IPFV} **-л**.
 (4) а. Пока еще не **до-[писа]**^{IPFV} **-нному** роману предстоит не долгая жизнь.
 б. Она не **пере-[чита]**^{IPFV} **-ла**, а перепрочитала «Горе от ума».
 в. Индекс РТС умудрился даже немного **под-[рас]**^{IPFV} **-ти**.
 (5) а. Получателям бюджетных средств пообещали **до-[да]**^{IPFV} **-ть** денег.
 б. Сначала все были «за», а потом вдруг **пере-[реши]**^{IPFV} **-ли**.
 в. А Юру, похоже действительно, под-[обиде]^{IPFV} **-ли**.
 (6) а. Остальные приезжали до-[**об-суди**]^{IPFV} **-ть** начатое во время занятий.
 б. Президент РФ пере-[у-тверди]^{IPFV} **-л** председателя Рязанского суда.
 в. Люди вынуждены искать, где **под-[за-работа]**^{IPFV} **-ть**.
 (7) а. Сижу [[до-[уч]^{IPFV} **-ива**]^{IPFV} **-ю** философию.
 б. Я [[**пере-[дел]**]^{IPFV} **-ыва**]^{IPFV} **-ю** весь план работы.
 в. Вода с пруда [[под-[тапл]^{IPFV} **-ива**]^{IPFV} **-ет** Березники в районе гаражей.
 (8) а. Он [[до-[заби]^{IPFV} **-ва**]^{IPFV} **-ет** документы из анкеты в программу.
 а'. *[[до-[за-би]^{IPFV} **-ва**]^{IPFV} **-ть**.
 б. [[пере-[запис]^{IPFV} **-ыва**]^{IPFV} **-ю** начисто партии бас-гитары.
 б'. *[[пере-[за-пис]^{IPFV} **-ыва**]^{IPFV} **-ть**.
 в. Стараюсь деньги не снимать, а [[под-[накапл]^{IPFV} **-ива**]^{IPFV} **-ю**.
 в'. *[[под-[накапл]^{IPFV} **-ива**]^{IPFV} **-ть**.
 (9) а. Нафантазировал, напридумывал, [на-[до-[пис]^{IPFV} **-ыва**]^{IPFV} **-л**, но ведь все ключевые события изображены верно!
 б. Надо еще несколько раз будет **по-пере-[за-пис]**^{IPFV} **-ыва**^{IPFV} **-ть** один и тот же DVD + RW.
 в. В свое время [по-[под-[рабат]^{IPFV} **-ыва**]^{IPFV} **-л** грузчиком / монтажником.

Деривационные особенности квазиэталонов русского языка

Г. В. Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

grig72@mail.ru

Квазиэталон, деривация, семантика

Summary. The paper is devoted to the derivational correlation of the Russian quasi-etalons in cultural — cognitive sphere. The special focus is on the productive word-derivating meanings of the quasi-etalons.

Одним из важных средств кодирования культуры являются квазиэталоны. Их следует отнести к числу языковых единиц, наиболее емко выражающих культурную информацию. Это наиболее напряженные в культурном отношении языковые структуры, которые выражают национальную специфику языка.

Квазиэталоны обобщают и организуют квазистереотипы, отражают доминанты языковой интерпретации тех или иных аспектов действительности. Они закрепляют наблюдения, которые стали житейскими правилами.

Под квазиэталонном мы понимаем языковую единицу, которая репрезентирует стандартные представления о качествах человека.

Деривационные связи квазиэталонов русского являются наименее выраженным видом парадигматической активности единиц этого типа. По всей вероятности, это объясняется метафоричностью семантики квазиэталона, несвободным характером синтаксической реализации семантики.

Тем не менее, даже бледные словообразовательные связи квазиэталонов способны очертить векторы концептуализации, основанные на стереотипных представлениях о качествах и свойствах человека.

Деривационные отношения отражают метафорический характер мотивации, что объясняется метафоричностью семантики самого квазиэталона. Ср.: обезьяна 'животное' → обезьяна 'человек' → обезьяничать.

Семантика квазиэталона в высокой степени идиоматична, что подтверждает невозможность образования некоторых дериватов. Например, квазиэталон манекен 'о человеке, чем-

либо напоминающем фигуру из дерева, папье-маше и других материалов в виде человеческого туловища или куклы в рост человека для примерки, показа одежды и т. п.' теоретически допускает образование деривата манекенища, однако в этом случае значение квазиэталона уже не реализуется.

Дериваты квазиэталонов соотносятся со всеми основными частями речи: существительным, глаголом, наречием, которые способны репрезентировать то или иное положение дел. Тем самым квазиэталон реализует в своих производных потенциальные валентности.

Дериваты квазиэталонов потенциально способны репрезентировать следующие словообразовательные значения: «Действие, характеризующее определенным способом осуществления», «Опредмеченное действие», «Опредмеченный признак», «Уменьшительное к...», «Женское к...», «Способ действия», «Собирательное к...». Безусловно, что указанные словообразовательные значения номинируются далеко не всеми гнездами квазиэталонов. Например, от квазиэталона свишня возможно образовать свишнячить, свишество, свишённок, по-свински (4 деривата), а от квазиэталона сокол только один дериват соколик. Такая картина, на наш взгляд, объясняется, с одной стороны, языковыми причинами (прежде всего, морфонологического плана, родовой характеристикой производящего), с другой — концептуальными. Так, с одной стороны, семантика квазиэталона сфокусирована на признаваемости, что определяет невозможность образования глагольного деривата с словообразовательным значением «Действие, характеризующее определенным способом осуществления» (кляча), либо, напротив, семантика процес-

суальна, и образование глагольного деривата избыточно (соловей).

К наиболее продуктивным словообразовательным значениям относятся «Уменьшительное к...», «Женское к...», «Способ действия», что объясняется стремлением языкового сознания маркировать гендерную составляющую (*принц / принцесса*), смягчить семантику квазизталона (*пчёлка*), реализовать одну из главных семантических интенций квазизталона — репрезентировать способ действия.

Словообразовательные значения имеют мутационный (производное слово существенно отличается по семантике от производящего) и модификационный (производное слово несущественно отличается по семантике от производящего) типы, что свидетельствует о том, что языковое сознание как

осмысляет новые ментальные аспекты, так и переосмысляет уже известные. Признаково-процессуальная семантика квазизталона позволяет ему реализовать значение «действовать (вести себя) подобно кому», «определённый тип какого-либо способа поведения или свойства человека»: *зверствовать, зверство*. Указанная семантика производящего слова позволяет в некоторых случаях мотивировать абстрактные существительные не глаголом или прилагательным (что является продуктивным для русского языка), а непосредственно производимым квазизталоном (Ср.: *стервятник* → *стервятничать* → *стервятничество* и *скот* → *скотство*).

Номинации, соотносимые с биоморфным культурным кодом, являются наиболее продуктивными с точки зрения словообразовательных процессов.

Наречия-инновации: прагматический аспект исследования

И. А. Тропина

Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону)

asimonova@list.ru

Summary. Being fundamentally expressive and having significant semantics, original form and powerful connotation adverbs — innovations realize the native speakers' pragmatic intent. Depending on the sphere of functioning the adverbs — innovations may fulfill cognitive, compressive and expressive functions. Functioning actively in the language of literature, mass media, advertisement, the adverbs — innovations develop new meanings, get new connotations, serve as a word-formation base for new derivatives. The adverbs are extensively used in various language experiments; the brightest of them is the language game.

Наречия-инновации в языке художественной литературы

В процессе коммуникации всякий текст направлен на достижение цели воздействия на адресата, что достигается посредством различных языковых средств. При этом экспрессивность приводит к максимальному языковому разнообразию, позволяет избежать нейтральной номинации, способствует наиболее активному воздействию на адресата сообщения. Стремление к новизне выражения приводит к появлению алогизмов:

Вы должны поговорить с каждой претенденткой наедине в моем присутствии. — сказала строгая девушка-менеджер (Колина, «Дневник новой русской»).

В последнее время возросло количество семантических инноваций, выполняющих в тексте экспрессивную функцию:

Оба примера любезно предоставлены — впрочем, вру, любезно украдены — у Петра Вайля (Толстая, «Надежда и опора»).

Любезно, нареч. от *любезный* 1. Обходительный, предупредительный, учтивый. Наречие *любезно* в вышеуказанном значении употреблено с глаголом *красть*, который описывает преступную деятельность, в связи с чем возникает необычная сочетаемость слов.

Встречаются примеры необычной сочетаемости слов:

И вот он решил повеситься. Не совсем, а фактивно (Довлатов, «Компромисс»).

Фактивно, нареч. от *фактивный*. 1. Являющийся фикцией; мнимый (о браке, о документах) [БТС]. Наречие *фактивно*, употребленное в сочетании с глаголом *повеситься*, обращает на себя внимание благодаря необычности данного сочетания слов. Фиктивными могут быть брак и документы, но не способ самоубийства. Фиктивно в данном случае — «не по-настоящему», т. е. создать видимость не только смерти, но и попытки ухода из жизни.

Встречаются жаргонные наречия:

Я привез тебе землянику. Правда, она португальская, но все равно пахнет офигенно (Устинова, «Большое зло и мелкие пакости»).

...очень здорово выходит, прямо суперски (Донцова, «Привидение в кроссовках»).

Необходимость воздействия на адресата приводит к словотворчеству. Новизна, свежесть в употреблении слов, их непривычность, неожиданность необходимы для активизации мыслительных процессов.

Наречия-инновации в языке медиальных средств

Современный русский язык сегодня черпает ресурсы для оформления литературной нормы в средствах массовой информации, в разговорной речи. Язык СМИ динамичен и зависим от модных пристрастий.

Новый стилистический вкус сказывается в интересе к жаргону, просторечию, разговорным интонациям:

380

— *Лёшка, ну ты ж генеральный директор! Ну возьми меня по-корёфански на работу* (КП-на-Дону, 02.02.2008).

Наблюдается тяготение к лексике криминального происхождения:

Мышей не ловит, хоть и деревенский, видимо, считает: запахло (АиФ, № 32, 1996).

Запахло. Жарг. В знач. «недостойно, стыдно».

Речевое поведение говорящего становится раскованным, непринужденным:

А как у нас можно отдохнуть! Разве это не кайфово? (Кактус, № 17, 2005).

Кайфово в значении «замечательно, превосходно, с удовольствием (о состоянии блаженства, экстаза)».

К России Хиллари всегда относилась «фиолетово», но на недавних выборах на Украине поддержала «оранжевых» (Комс. пр., 17.10.2006). Посредством слова *фиолетово* выражается крайняя степень безразличия.

В последнее время журналисты часто прибегают к эмоционально окрашенной лексике, в частности к деинтуитивам, прилагательным и наречиям с оценочными суффиксами (влияние разговорной речи): *Бюджетненко!* (загол.) *Какие риски угрожают исполнению российского финансового плана — 2009* (Версия, 2009, № 16).

Средства массовой информации дают интересный материал для изучения такого явления, как языковая игра. Характерно, что газеты чаще всего прибегают к языковой игре в заголовках — с целью привлечь внимание, заставить читать статью. Известно, что позиция заголовка в газете сильная. Помещение в эту позицию обостряет внимание читателя:

В автобус театрально впечатались «Жигули» (загол.). *В субботу в 20.40 на Театральной площади автомобиль «Ауди» столкнулся с «Жигулёнком»* (Веч. Ростов, 21.11.2005).

Штрафо, аж жуть! (заголовок). *С пробками в столице собираются бороться карательными методами* (МК, 06.12.2006).

Новое значение, игра с внутренней формой:

Новикова родила блестяще (заголовок). *Бывшая солистка группы «Блестящие» двадцативосьмилетняя Ксения Новикова родила сына в одном из элитных столичных роддомов* (Жизнь, 13.08.2008).

Алла Пугачёва: *В конце Диана сбилась с рифмы, но в конце все суперски обыграла*.

Диана Арбенина: *Не суперски, а снайперски обыграла* (TV — Солистка группы «Ночные снайперы» Диана Арбенина участвовала в телевизионном проекте «Две звезды».

Эффект обманутого ожидания:

Завтра ростовчане будут выгледеть мультишно (заголовок). *Завтра в кинотеатре «Россия», в рамках фестиваля анимации, покажут пародию на самурайские боевики «Каземакаонна»* (Веч. Ростов, 24.09.2004).

Графическая игра:

Saabразно обстоятельством (заголовок). *Saab-3 2008 года показывают только спереди: то ли решили сохранить интригу до официальной премьеры, то ли корма седана еще не готова* (Итоги, 21.05.2007).

Наречия-инновации в языке рекламы

Реклама пронизывает все сферы нашей жизни. Она нацелена на людей всех возрастных категорий и имеет свои приемы завлечения потенциальных клиентов.

Важным компонентом смысловой структуры рекламного текста является слоган. Слоганы составляются кратко в расчете на быстрое и легкое запоминание:

Не просто чисто, а пятизвёздно чисто (рекл. порошка «Ariel»).

Наречие *пятизвёздно* используется для усиления признака. Чтобы повлиять на адресата, рекламодатель стремится создать иллюзию уникальности.

Привлекает внимание своей необычностью и слоганы: «*Fanta*». *Вливайся по-сочному* (рекл. напиток «Fanta»);

Всё будет Coca-Cola (рекл. напиток «Coca-Cola»);

Дирольно долго и свежо (рекл. жевательной резинки «Dirol»).

Все языковые средства, используемые в рекламном тексте, подчинены цели воздействия на адресата, побуждения его к совершению действия.

Активные способы образования новых слов в современном русском языке

Е. В. Тумакова

ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

tumakoval@rambler.ru

Новообразование, способы словообразования, закон речевой экономики

Summary. The report describes the active ways of the formation of new words and the reasons of appearance of new words in modern speech.

В конце XX–начале XXI в. лексический состав современного русского языка значительно расширился за счет появления новых слов. Причиной тому послужили изменения, происшедшие в политической, экономической, социальной и др. сферах нашей жизни. Новые слова, появляющиеся в речи, представляют собой, прежде всего, заимствования из иностранных языков (преимущественно английского). Однако немалая доля приходится на новообразования, возникшие на основе уже имеющихся в языке лексем.

При образовании новых слов используются далеко не все деривационные способы. Некоторые из них обнаруживают особую активность, другие остаются невостребованными.

К активным способам деривации в современном русском языке относятся так называемые компрессивные способы, с помощью которых новые слова создаются на базе словосочетаний или предложений. Новообразования, произведенные такими способами, обладают многоплановой семантикой, так как включают в свое значение семантику мотивирующих слов.

Среди узуальных компрессивных способов словообразования особенно активны такие способы, как суффиксальная универбация и аббревиация.

Суффиксальная универбация свойственна разговорной речи. При таком способе словообразования новое слово создается на базе подчинительного словосочетания со связью согласование. Производное включает в себя основу исходного прилагательного и суффиксы *-к-* или *-ик-*, определяемое существительное при этом опускается: *микроволновка* (от микроволновая печь), *безналичка* (от безналичный расчет), *повременка* (от повременная оплата), *мобильник* (от мобильный телефон) и др.

Аббревиатуры (сложносокращенные наименования) довольно часто встречаются в научной, деловой и публицистической речи. Достаточно продуктивными являются модели, где в качестве мотивирующей базы выступает подчинительное словосочетание с существительным в роли главного слова и прилагательным в роли зависимого. При образовании нового слова основа существительного полностью сохраняется, а основа прилагательного подвергается усечению: *госдолг* (от государственный долг), *госбюджет* (от государственный бюджет), *корсчет* (от корреспондентский счет), *масскультура* (от массовая культура), *нацпро-*

ект (от национальный проект) и мн. др. Образование новых существительных может также сопровождаться и усечением обеих исходных основ: *молчел* (от молодой человек), *спецупры* (от специальные упражнения) и др.

Следует отметить, что в современных печатных источниках нередко встречаются не только русскоязычные, но и заимствованные аббревиатуры: *VIP, PR, CD, DJ*. Часто такие образования служат основой для порождения производных слов (ср.: *VIP-зона, VIP-гость, VIP-комната* и др.).

Не менее активным является в настоящее время такой способ словообразования, как усечение производящей основы по типу аббревиатур (термин Е. А. Земской). Особенно актуален этот способ в речи молодежи. Производные слова, возникающие в результате усечения, по семантике тождественны исходной лексеме и отличаются от нее только эмоционально-экспрессивной окраской: *перчи* (от перчатки), *выхи* (от выходные), *упры* (от упражнения), *проги* (от программы), *шашлы* (от шашлыки) и мн. др. Усечение могут подвергаться не только нарицательные существительные, но и имена собственные. Кроме того, усечение может действовать как в сфере образования существительных, так и наречий: *оч* (от очень).

Ориентация преимущественно на визуальное восприятие информации вызвала к жизни появление такого способа, как графическая актуализация сегментов слова. В заголовках печатных СМИ и рекламе нередко прибегают к шрифтовому или цветовому выделению частей слова, омонимичных имеющимся в языке узуальным лексемам: *ОтЧАЯнная БОДРОСТЬ, НеобыЧАЙные рецепты* (реклама чая) и др.

В основе всех описанных способов лежит сокращение, усечение исходных компонентов. Новое слово, сохраняя семантику исходных основ, становится более коротким, экономичным, а, следовательно, и более удобным для использования. Оно экономит речевые усилия говорящего (пишущего), но вместе с тем передает необходимый смысл.

Активность подобных способов объясняется тем, что необходимость в них обусловлена как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими причинами. Так, закон экономии речевых усилий поддерживается и даже усиливается ускорением темпов современной жизни, динамичностью развития социальных и межкультурных взаимоотношений.

Диалектное корневое гнездо как объект описания в «диалектном словаре строения слов»

Е. Н. Шаброва

ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет»

filfak@list.ru

Диалектная лексикография, вологодские говоры, корневое гнездо

Одной из актуальных проблем современной диалектологии является описание морфемной системы русских народных говоров, в частности, создание диалектных словарей,

комментирующих структурную организацию диалектных слов. В данной работе комментируется опыт создания такого словаря на материале современных вологодских говоров

и связанные с созданием этого словаря проблемы структурирования и описания **диалектных корневых гнезд** (далее ДКГ).

Традиции совместного лексикографического описания однокоренных слов в русском языке восходят к середине XIX века, к «Толковому словарю живого великорусского словаря» В. И. Даля (1863–1866). Позже гнезда однокоренных слов были представлены в словарях, посвященных анализу структуры слов в синхроническом ([3]; [6], др.) и в диахроническом аспектах ([8]; [7], др.). В конце XX века появились первые опыты диалектных словарей, толкующих структурно-семантические отношения слов в русских говорах: среднеобских [4], ладого-тихвинских [1] и др. Принимая во внимание существующие опыты лексикографического описания гнезд однокоренных слов в современных диалектологических исследованиях, попробуем ответить на вопрос: как может быть представлено такое гнездо в *региональном морфемном словаре*?

Если учесть, что цель создания регионального морфемного словаря — это экспликация элементов и отношений морфемной системы исследуемой совокупности говоров, то на страницах этого словаря следует рассматривать *корневые гнезда* слов, обнаруживающих свое структурно-семантическое соответствие в говорах *определенной территории на определенном временном этапе* их развития. Иначе говоря, в региональном морфемном словаре будут представлены *региональные синхронические* корневые гнезда. Эти гнезда будут объединять синхронически производные слова с теми, которые в исследуемых говорах уже не обнаруживают своей формальной или семантической производности. Поэтому диалектные корневые гнезда в таком словаре будут иметь принципиально *смешанную* структуру, отражая как деривационные, так и недеривационные отношения. Для объективации этих отношений гнезда, формирование которых определяется общерусскими корнями, будут стремиться к *недифференцированному* лексическому составу.

Подготовка диалектного словаря строения слов имеет несколько стадий. Первая из них — это создание электронной базы данных словаря и реализация поисковой системы, позволяющей осуществлять электронный поиск однокоренных и одноструктурных слов. Учитывая сложность и многоаспектность поставленных задач, следует разграничить как минимум две стороны их решения: структурирование диалектных корневых гнезд и их описание. При структурировании гнезда следует принять во внимание исходную лексическую базу регионального морфемного словаря и поэтапность осуществления морфемного анализа слова.

Первый этап — это выборка слов, имеющих в своем составе формально тождественные корневые морфемы. Далее следует убедиться в тождестве формально близких сегментов и от гнезд корневых морфем перейти к структурированию гнезда корневых морфем, обосновать определение формальных и семантических границ корня, лежащего в основе диалектного корневого гнезда. Отождествление кор-

невых морфем и объединение слов первичных гнезд корневых морфем дают возможность исследовать структурно-семантические связи этих слов. Фонд дифференциального толкового «Словаря вологодских говоров» [5] в этом отношении нередко не дает достаточных оснований, поэтому на этом этапе исследования необходимо проведение специальных полевых исследований, направленных на выявление и описание однокоренных слов говора без учета их общерусского или диалектного характера.

При характеристике гнезда придется описывать различные типы отношений однокоренных слов. Помимо перечисленного, это многочисленные случаи фонематического варьирования корня и — соответственно — выделение зон формальных вариантов. Это также семантическая дифференциация корней и — как следствие — выделение семантических зон гнезда. Это, наконец, описание многочисленных межгнездных взаимодействий, зон конвергенции и дивергенции ДКГ. Остается открытым вопрос о графической подаче таких гнезд, а также об объеме и структуре комментария, который, несомненно, должен сопровождать каждое гнездо.

В комментарии, на наш взгляд, необходимо определить состав морфем вершины гнезда (отметив случаи сомнительного отождествления) и его лексический состав, обратить внимание на структуру, в частности, на случаи обособления зон фонематического и семантического варьирования, а также на ряд других особенностей, важных для изучения морфемной системы русских говоров. Вероятно, гнезда в диалектном морфемном словаре будут представлены сразу в двух вариантах: как парадигма слов с общим корневым сегментом (с отсылочной системой, отражающей результаты отождествления морфем) и как комментированная структура, эксплицирующая различного рода отношения между словами гнезда во всех их значениях. Только сочетание двух этих подходов позволит обосновать результаты морфемного анализа слов с позиции исследуемой совокупности русских территориальных диалектов в определенный период ее существования.

Литература

1. Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 6–10. СПб, 1995–2002.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978.
3. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1987.
4. Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря. Томск, 1982.
5. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2006.
6. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1990.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.
8. Этимологический словарь славянских языков. Вып. I–XVII. М., 1974–1992.

Слова-композицы как единицы вербальной коммуникации в русском и немецком языках

Л. В. Шалина

Московский педагогический государственный университет

larlarisa@mail.ru

Неологические образования, композицы, лексико-семантическая группа, интернациональные словообразовательные элементы

Summary. This paper is due to cover important issues connected with complex words. New Russian and German composite forms of lexico-semantic group — naming of special territories and premises from the point of view of their structure and potentials of word-building system are investigated.

В лингвистической науке последних лет большое внимание уделяется проблеме изучения сложных слов, так как в связи с активным развитием научно-технического прогресса, новых экономических отношений во всем мире усилился процесс их образования в различных сферах общественной жизни: экономики, политики, компьютерной техники, искусства, быта и др. Особенно ярко эта тенденция находит свое воплощение в современной публицистике: газетах, журналах и других письменных источниках. Хотя изучению сложных слов в разных языках уделялось и уделяется дол-

жное внимание (М. В. Ломоносов, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, М. И. Привалов, В. А. Богородицкий, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Царев, Е. А. Василевская, Н. И. Григорьев, И. М. Гринберг, М. И. Привалов, К. Л. Ряшенцев и др.) ряд вопросов, связанных с проблемами сложного слова, продолжает оставаться дискуссионным.

Объектом исследования в работе являются русские и немецкие неологические образования лексико-семантической группы — наименования специализированных территорий и помещений, представленные в серийных выпусках

НРЛ-91, 92, 93, 94, «Толковом словаре русского языка конца XX века» под ред. Г. Н. Складневской (2006), словаре Д. Герберга «Neuer Wortschatz. Neologismen der 90-er Jahre im Deutschen» (2004), а также в нашей картотеке, собранной по материалам периодических изданий России и Германии.

Лексические ресурсы, с помощью которых образуются слова-композиции, являющиеся названиями специализированных территорий и помещений, разнообразны. Это — самостоятельные слова, основы самостоятельных слов, а также интернациональные словообразовательные элементы. Новые композиции данной группы являются продуктами возможных комбинаций существующих в языке лексических и словообразовательных средств. Возникшая лексическая единица обладает новой, не «зарегистрированной» в языке формой, а также новым значением. Смысловое содержание вновь образованного сложного слова более емко, чем значение его отдельных компонентов.

Новые сложные слова — названия специализированных территорий и помещений — называют предмет, совмещающий в себе признаки предметов или явлений, названных мотивирующими словами: *ванна-туалет, кухня-спальня, камера-галстук, der Servicepoint*. Как правило, компоненты данных новообразований объединяются в одно слово нулевым интерфиксом, что дает основание Е. И. Головановой утверждать, что «при минимуме языковых средств в них достигается высокая степень содержательной насыщенности и выразительности» [1: 73]. Они могут представлять собой исконно русские слова (*школа-лечебница, судно-модельщик, магазин-сарайчик*) или немецкие (*der Fabrikladen, das Euroland*); транслитерированные единицы, заимствованные в русский и немецкий языки как иноязычные слова-композиции: *интернет-кафе, кибер-кафе, он-лайн-шоп, суши-бар, das Internetcafe, das Cybercafe, das Onlineshopp*; гибридные слова, состоящие из слов родного языка и заимствованных: *интернет-библиотека, шейпинг-зал, джоб-центр, киоск-пиццерия, салат-бар, кафе-подвальчик, der Einkaufsmall, der Chattraum, das Onlinekaufhaus* и др. Данные наименования образуются по модели «существительное + существительное» (с дефисным написанием). Иногда одновременно три лексические единицы могут объединяться в одно слово: *ясли-сад-школа, джаз-филармоник-холл* и др.

Новым композициям, созданным по данной модели, характерны предметно-понятийная актуализация, членимость на составляющие. В результате соединения двух существительных в единое целое возникает новая лексическая единица, обозначающая новый предмет, сохраняющий характеристики (признаки и функции) тех предметов, которые названы компонентами данного новообразования. Подоб-

ные композиции можно было бы назвать словами «совмещенной семантики».

Активную роль в образовании композиций-наименований территорий и помещений играют словообразовательные элементы, имеющие статус интернациональных, многие из которых были заимствованы ранее из греческого и латинского, а также из других языков: *авто-, био-, видео-, мини-, макси-, мульти-* и др. Они становятся в настоящее время частью словообразовательной системы многих языков, в том числе русского и немецкого, выполняя функцию компонента сложного слова.

В современной лингвистике нет единого мнения о статусе подобных элементов в системе языка. РГ-80 и «Краткая русская грамматика» под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина относят их к связанным компонентам интернационального характера. Д. С. Лотте, В. М. Лейчик и др. называют их терминоэлементами, так как с их помощью в основном образуются слова-термины. Немецкие лингвисты В. Фляйшер, И. Барц, Н. Н. Мунске, Х. Веллман и др. относят интернациональные элементы данного типа к аффиксам.

Мы разделяем точку зрения немецких лингвистов и считаем подобные словообразовательные элементы интернациональными аффиксами. Как в русских, так и в немецких словах-композициях в качестве первых компонентов часто используются одни и те же интернациональные элементы: *арт- (art-), аудио- (audio-), био- (bio-), видео- (video-), евро- (euro-), мини- (mini-), макси- (maxi-)* и др. В качестве опорного компонента сложного слова — наименования территорий и помещений чаще всего функционируют одни и те же существительные: *клуб (Klub), центр (Zentrum), зал (Saal), бар (Bar), кафе (Cafe), студия (Studio), пиццерия (Pizzeria), отель (Hotel), салон (Salon)* и др. Кроме того, в немецком языке используются также старые названия помещений: *das Haus, der Raum, die Stube, sad Veirtel* и др., а также английские заимствования: *Center, Shopp, Mall, Point, Outlet* и др.

Словообразовательные модели с вышеуказанными компонентами остаются открытыми и при необходимости могут быть использованы для наименований новых объектов как в русском, так и в немецком языках, а многочисленные семантические ряды данных наименований не только указывают на активность словообразовательных моделей, но и фиксируют языковые предпочтения времени, социальные и культурные доминанты эпохи.

Литература

1. Голованова Е. И. Переходные явления в области словосложения современного русского языка // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков в материалах международного научного симпозиума. НовГУ. Великий Новгород, 2002.

Потенциал относительного прилагательного на материале стихотворений М. Крепса Н. Е. Шаньявская

Санкт-Петербургский государственный университет

Shan_natali@mail.ru

Относительные прилагательные, дуплексив, оттенок значения, связность художественного текста

Summary. Relative adjectives are regarded as a way of forming a syncretic meaning. As a result coherence and cohesion of a poetic text grow.

Изучение вторичных функций различных частей речи дает представление о многообразии языкового выражения. Для слов, совмещающих значения разных членов предложения, — дуплексивов — важен способ словообразования [7]. В художественных текстах дуплексивы востребованы, благодаря их грамматической смысловости. В статье рассматриваются относительные прилагательные как носители синкретичных значений на материале стихотворений М. Крепса (1940–1994).

Прилагательные, являясь согласованными определениями, приобретают оттенки значений наречий и существительных, в этом можно видеть явление семантического синкретизма. Существительные с семантикой времени и пространства, т. е. окружающей обстановки привносят обстоятельство-оттенок, названия лиц или единичных предметов — значение актанта. Отглагольные прилагательные указывают на действие.

Так, прилагательное *приасфальтных* сочетает значения признака и локативности.

*А рядом с чернильницей — распахнутое окно
С видом на осень и золотое руно
Дубов приасфальтных<...>. [4: 17].*

Локативное значение определяется приставкой *при-*. Сходно образовано прилагательное *законный*. Это же значение приобретают беспрефиксные прилагательные, ср. *асфальтовый*.

Относительные прилагательные в сочетании с конкретными существительными передают значение времени. Они не являются прототипическими [5]. Вместе с глаголами они формируют текстовую категорию времени. Прилагательные можно сопоставить с придаточным предложением с союзом *когда*.

*К ночному колодезю пошел за живой водой.
Взял в руки ведро, но мерцающею слюдой
Овала на лунной воде остановлен был. [4: 24].*

Ср. *когда пошел к колодезю*. Это первые строки стихотворения, а началу текста свойственны сирконстанты времени. Временное значение прилагательного *лунный* поддерживается прилагательным *ночному*. Прилагательное *лунный* со-

четаает в себе разные значения: 1) временное и 2) освещенный луной. Первое значение отличается от значения, на которое указывает, например, Т. Ф. Ефремова, «свойственный луне, характерный для нее».

В другом употреблении прилагательное *ночной*, определяя генитивную метафору, может выполнять функции, сходные с функциями детерминанта. Оно вбирает значения *ночью и по ночам*.

<...> Пусть чайка сядет на корму,
Пусть освещают дерзкий груз
Ночные лампочки медуз <...> [4: 70].

Ср. *ночная лампочка* как лампочка, которую используют или которая более заметна по ночам. В приведенном примере это значение переосмысливается. Прилагательному *дневной* подобное употребление свойственно в меньшей степени.

Прилагательные с семантикой времени и пространства могут сопологаться.

Вспомним желтый газон и потускневшие астры,
Пригородный автобус в припадке **осенней** астмы,
Видя тот же ландшафт,
Мы мечтали о беспредельном,
Как восторженный мальчик
На коне **карусельном**. [4: 26].

Сочетания существительных и прилагательных с семантикой времени могут выглядеть парадоксальными, например, *январское пальто* (ср. *зимнее*).

Выделенности прилагательных времени способствует и функция метонимического эпитета и их ограниченная сочетаемость. По мнению М. В. Всеволодовой, необходимо включать прилагательные в функционально-семантическое поле темпоральности: глаголы не могут заменить адъективные и адвербиальные показатели времени. Во всех зафиксированных случаях период времени, который передается прилагательным, достаточно длителен.

Относительное прилагательное способно выполнять функцию сравнительного оборота с союзом *как*, ср. *булавочное темя — темя с булавочную головку*.

Атрибутивные словосочетания сопоставимы с генитивными конструкциями. Прилагательное может сочетать в себе функцию определения и субъекта или объекта.

И звучит в искре **трамвайной**
То ли ангел, то ли алыт, <...> [4: 45].

Благодаря такому употреблению прилагательного картина изображается отстраненно. Прилагательное может снимать противопоставленность субъекта и объекта.

Воскресим июльский мокрый асфальт, трамвайные трели,
Лужи в живых цветах неоновой акварели,
Голоса, наполнявшие на углу стеклянную будку,
Даря маршруту совместной прогулки, как незабудку.

Свидания **телефонные, обещания, губы, звуки** —
Реквизит нехитрой любовной науки,
Оплели нам невидимой паутиной руки <...> [4: 50].

Телефонные обещания можно интерпретировать как данные и как услышанные, полученные обещания. Достигается эффект, подобный номинализации [2]. Этот эффект объясняется тем, что у имен «...нет жесткой сочетаемости — потому что нет жесткой „привязки“ к определенной ситуации» [6: 28].

Прилагательное, образованное от существительного, употребляется как субъект или объект сравнения. На сжатом текстовом пространстве сопологаются несколько тропов.

В глубине холодных комнат
Опустевшего музея
Бродят грустные кентавры
По паркетным мостовым. [4: 19].

Прилагательные сочетают в себе многозначность с полноформленностью, хотя их реже можно поставить в неоднозначный контекст, так как они принимают флексии определяемого слова. Краткость и полноформленность характерны для стиля М. Крепса. Такое употребление прилагательных усиливает связность поэтического текста. В употребительности относительных прилагательных как таковых выражается стремление языка сочетать в одной лексеме значения признака в сочетании со значениями имени, действия, времени, пространства и др.

Литература

1. Всеволодова М. В. Функционально-семантические поля и функционально-семантические категории // <http://vsevolodova.ru/content/view/24/1/1/1/>.
2. Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М., 1976. С. 85–102.
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 1. М., 2006.
4. Крепс М. Космос, Петербург, плечо. Бостон; Массачусетс, 1995.
5. Кустрова Г. И. Полисемия временных прилагательных // <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/51.htm>.
6. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен. М., 2000.
7. Чеснокова Л. Д. Проблема членов предложения в теоретическом и методологическом аспектах. Таганрог, 1996.

Словообразовательная активность как этап ассимиляции

Т. С. Щелокова

Казанский государственный технический университет имени А. Н. Туполева

shchelokovatanya@rambler.ru

Займствования, полиморфемные слова, анализ-сочетания, этимологический анализ

Summary. The paper is devoted to the problem of foreign language borrowings in the sphere of fashion industry vocabulary. The etymological status of various derivatives is defined. Some groups are singled out judging by the origin of the affixes of the borrowings.

Лексика русского языка на всех этапах его развития обогащалась — иногда более интенсивно, иногда менее интенсивно — за счет вхождения в него иноязычных слов. Займствование является закономерным следствием языковых контактов в различных областях общественной жизни: политика, экономика, информатика, спорт, мода и др. Конец XX — начало XXI века можно назвать «неологическим бумом» в связи с тем, что словарный запас русского языка меняется коренным образом.

В настоящей работе мы рассмотрим лексические единицы тематической группы «Фэшн-индустрия», вызывающие трудности при определении их этимологического статуса.

Согласно генетическому подходу, принятому в современной лингвистике, мы разграничиваем собственно иноязычные слова или «прямые» заимствования, т. е. слова имеющие этимоны в языке-источнике, и слова с иноязычным корнем, созданные на русской почве путем использования русских аффиксов. Данные производные можно разделить на следующие группы:

Первую группу составляют слова, состоящие из иноязычного корня и исконного аффикса, а также системы окончаний. Здесь можно рассматривать существительные, образованные при помощи суффиксов *-к* в значении «конкретный предмет» (*бейсболка* < *бейсбол* — англ. *baseball*, *кроссовки* < *кросс* — англ. *cross*, *футболка* < *футбол* — англ. *football*, *балетки* < *балет* — фр. *ballet* < ит. *balletto*, *майка-тенниска* < *теннис* — англ. *lawn-tennis*, *кепка* — фр. *kepi*); *-ик* в значении «уменьшительно-ласкательность» (*мотик* < *тон* — англ. *top*, *шарфик* < *шарф* < фр. *echarpe*). На современном этапе развития русского языка характерно образование производных прилагательных от ранее заимствованных существительных (*коктейльный* < *коктейль* — англ. *cocktail*, *ковбойский* < *ковбой* — англ. *cowboy*, *галстучный* < *галстук* — нем. *Halstuch*, *деикустский* < *денди* — англ. *dandy*, *пижамный* < *пижама* — англ. *pyjamas*, *винтажный* < *винтаж* — фр. *vintage*, *гламурный* < *гламур* — англ. *glamour*). Наиболее часто здесь используются суффиксы *-н* и *-ск* в значении «признаковость».

Ко второй группе следует отнести полиморфемные слова, состоящие из корня и аффикса иноязычного происхождения (*монобрендовый* — др.-греч. *моно* + англ. *бренд*, *микрошорты* — др.-греч. *микро* + англ. *шорты*, *неоклассический* — др.-греч. *нео* + лат. *классический*, *фешнализация*).

Третья группа представлена аналит-сочетаниями, обе части которых имеют иноязычное происхождение. Здесь следует рассмотреть такие лексемы, как *мейк-ап*, *брюки-бананы*, *де люкс*, *от кутюр*, *фешн-турист*, а также лексемы, одна часть которых представляет нетранслитерированный вариант: *Mangomania*, *fashion-эскапада*, *fashion-путейл*, *fashion-гуру*, *fashion-маркетинг*, *street-фешн*.

Рассматривая данный вопрос, нельзя не упомянуть появление в русском языке новых слов, образованных от заимствованной основы, которая в языке-рецепторе не представ-

лена (*кокетливый* и *кокетка* < фр. *coquette*). Такие лексемы образованы в русском языке и не являются заимствованиями.

Таким образом, проблема определения границ иноязычной лексики, разграничение лексем на «свое» и «чужое» сложна и многоаспектна. Она требует специального этимологического анализа. Однако, как пишет Л. П. Крысин, в этимологическом анализе некоторых слов нельзя исключать множественность интерпретаций [1]. Описанные выше процессы говорят об открытости лексической системы русского языка, ее активности и жизнеспособности.

Литература

1. Крысин Л. П. Словообразование или заимствование? // Русский язык в школе. 1997. № 6. С. 5–9.

Частотные модели образования логинимов на базе антропонимов

Н. А. Ярошенко

Донецкий национальный университет (Украина)

nyaroshenko@yandex.ru

Имя собственное, язык Интернета, логиним, антропоним

Summary. The report deals with the analysis of proper names (loginonyms) structural peculiarities inside the e-mail addresses. The results of antroponymes transimimization to loginonyms have been established. The most frequency models of the type «antroponym → loginonym» have been considered.

Относительно молодым направлением ономастики, которое возникло и активно развивается на рубеже XX–XXI веков, является изучение особенностей функционирования имен собственных в виртуальном дискурсе, т. е. в рамках языка Интернета. Интерес к этой проблематике обусловлен в первую очередь как спецификой данного типа языка в целом, так и антропоцентричностью этой сферы коммуникации. По словам Т. Б. Карповой, «человек существует в Интернете именно в языковой форме» [2: 384]. Вполне закономерно, что, осваивая это пространство, пользователь в качестве виртуальной языковой личности стремится каким-либо образом обозначить себя и других участников Интернет-коммуникации. Так, в работах В. М. Капацинского, Т. Б. Карповой, А. В. Ходоренко (см. [1]; [2]; [3]) рассмотрены особенности никомов (никонимов, по терминологии А. В. Ходоренко), которые функционируют в рамках чатов, блогов, форумов, гостевых книг, интернет-конференций.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает также изучение специфики реализации собственных имен в структуре адреса электронной почты.

Рассматривая ники (никонимы) и логины (логинимы) как видовые разновидности юзеронимов, под *логинимом* в узком значении термина понимаем «часть электронного адреса, представляющую собой имя собственное юзера (пользователя) и служащую для его индивидуальной номинации, идентификации» [4: 226].

Как свидетельствует анализ фактического материала, главным способом образования логинимов является трансонимизация (осложненная деривацией или абсолютная). При этом последняя разновидность представлена такими типами, как «антропоним → логиним», «эргоним → логиним» и «никоним → логиним».

Цель предлагаемой работы заключается в том, чтобы на основании списка адресов электронной почты участников II и III Международных конгрессов «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва 2004, 2007) — всего выборка материала включает 657 логинимов разных типов — выявить и проанализировать наиболее частотные модели образования логинимов в рамках типа «антропоним → логиним». Следует отметить, что выбранный материал показателен для анализа в силу определенной общности интересов авторов рассматриваемых логинимов, а также учитывая тот факт, что данные пользователи являются носителями разных языков. Важно и то, что такие списки содержат необходимую экстралингвальную информацию, позволяющую практически во всех случаях определить внутреннюю форму логинима.

Установлено, что к интересующему нас типу логинимов, т. е. к таким, которые образованы на базе антропонимов, относится 449 единиц из 657 (более 68%).

Наиболее частотными в рассматриваемом материале оказались следующие модели:

1. Логинимы, образованные на основе фамилии, имени и отчества пользователя (с очень разными вариантами этого сочетания как в плане объединения, так и в аспекте расположения частей, комбинации полной и усеченной формы и т. п.), — 238 логинимов (33% от 449 единиц). Например: *ninabasko@hotmail.com*, *lbp@ mail.ru*, *olga_alex62@mail.ru*, *evg-kirov@yandex.ru*, *likras@mail.ru*, *zvd@bigmir.net* и др.

2. Логинимы, являющиеся результатом абсолютной (чистой) трансонимизации фамилии пользователя в ее полной форме, — 109 логинимов, или 24,3%.

3. Логинимы, в основе которых лежит имя пользователя (полная, неофициальная, уменьшительно-ласкательная форма имени, сочетание этих форм с цифровыми дифференциаторами и т. д.), — 56 логинимов (12,5%). Например: *swetlana@go.ru*, *masha@ngoc.am*, *olga@gklass.nsu.ru*, *olga2003@ok.kz*, *serjozhka@yahoo.com* и др.

В пределах первой группы логинимов, которая является самой неоднородной, к частотным моделям принадлежат такие:

1. Сочетание имени и фамилии пользователя (могут писаться слитно, через точку, с нижним подчеркиванием, через дефис и т. п.) — 53 логинима (11,8%). Например: *ninabasko@hotmail.com*, *nadja.zorikhina@slav.gu.se*, *irina_shepkina@mail.ru*, *iryana-koshman@ukr.net* и др.

2. Сочетание первой буквы имени и фамилии пользователя (могут писаться слитно, с нижним подчеркиванием, через дефис или через точку) — 50 логинимов (11,1%). Например: *abondarko@aport2000.ru*, *o_parshina@list.ru*, *n-alefirenko@yandex.ru*, *i.magertramov@mail.ru* и др.

Таким образом, логинимы, образованные на базе антропонимов, являются очень разнообразными в структурном плане, и их классификация требует детализации и уточнения с учетом анализа всех представленных в нашем материале примеров.

Литература

1. Капацинский В. М. Функции имен в русских дискуссиях в Интернете // Труды и материалы II Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, 18–21 марта 2004 г. М., 2004. С. 394.
2. Карпова Т. Б. Самовыражение личности в Интернете: лингвистический аспект // Труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, 20–23 марта 2007 г. М., 2007. С. 384–385.
3. Ходоренко Г. В. Найменування осіб у російськомовній інтернет-комунікації: структурний і семантичний аспекти: Автореф. дисс. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2006.
4. Ярошенко Н. А. Логинимы как особый класс имен собственных (результаты трансонимизации) // Материалы IV Междунар. науч. конф. «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках» (Днепропетровск, 9–10 апреля 2009 г.). Днепропетровск, 2009. С. 226–227.